

Зверская ферма. Джордж Оруэлл

Владимир Прибыловский, перевод с английского

...В знаменитой сказке Джорджа Оруэлла "Зверская Ферма", написанной в 1943-44гг, угнетенные животные "Барской Фермы" устраивают Восстание, изгоняют жестокого фермера Джонса, меняют название фермы и пытаются устроить жизнь на основах новой справедливой теории - Зверизма, придуманной старым хряком Майором.

На стенке гумна восставшие пишут Семь Заповедей, в согласии с которыми они отныне будут жить: "Все звери равны", "Зверь да не убьет другого зверя", "Зверь не пьет спиртного" и т.п.

Двуногие во главе с фермером Фредериком устраивают нападение на Зверскую Ферму, но терпят поражение.

Ученик Майора Наполеон и другие свиньи постепенно перенимают все пороки человечества, а после победы над Фредериком даже пытаются встать на задние ножки...

Оруэлл умер в 1950 году и не видел, чем все это кончилось. История Фермы с тех пор и по наши дни - в "Зверской Ферме-2" от переводчика.

Глава первая

Владелец Барской Фермы мистер Джонс позапирал на ночь курятники, но о цыплячьих лазах спяну забыл. Пошатываясь и рисуя на земле петли лучом света от фонарика, он пересек двор, скинул сапоги у заднего крыльца, нацедил себе еще одну кружку пива из бочонка в буфетной при кухне и завалился на кровать, в которой уже похрапывала миссис Джонс.

Лишь только свет в спальне погас, вся усадьба пришла в движение. Еще днем по ферме пронесся слух, будто прошлой ночью старый Майор, премированный хряк средней белой породы, видел поразительный сон и желает поведать о нем другим животным. Договорились собраться на большом гумне, как только мистер Джонс благополучно выйдет из строя. Старый Майор, которого Майором называли все, хотя выставлялся он под кличкой "Краса Виллингдона", - пользовался огромным уважением на ферме, и, чтобы его послушать, всякий был готов оторвать ото сна часок-другой.

Майор уже восседал на гряде соломы, на помосте, устроенном в глубине большого гумна, под лампой, которая свисала с балки. Ему было уже двенадцать лет, в последнее время его порядком разнесло, но он все еще смотрелся величественно и, хотя клыки ему не подпиливали, вид у него был кроткий и благообразный. Постепенно на гумне стали собираться и остальные животные, располагаясь поудобнее, каждое на свой лад. Первыми прибежали три собаки: Блюбель, Джесси и Пинчер, а потом свиньи, которые разлеглись на соломе перед самым помостом. Куры расселись на подоконниках, голуби вспорхнули на стропила, овцы и коровы улеглись сразу за свиньями и принялись за свою жвачку. Две ломовые лошади Боксер и Кашка вошли вместе и передвигались с величайшей осторожностью, расставляя свои огромные мохнатые копыта медленно и внимательно, чтобы не дай бог не задеть какую-нибудь не заметную в соломе мелюзгу.

Кашка, полная кобыла средних лет, была по-матерински добра со всеми. После рождения четвертого по счету жеребенка она уже не восстановила своей фигуры. Боксер, здоровенный конь чуть не двухметрового роста, был вынослив как две обычные лошади вместе взятые. Белая черточка под носом придавала ему немножко глуповатый вид, да он и в самом деле был не слишком умен, но пользовался всеобщим уважением за твердый характер и огромную работоспособность.

За лошадьми появились белая козочка Мюриель и осел Бенджамин. Бенджамин был старше всех на ферме и славился злонравным характером. Говорил он очень мало, а если и открывал рот, то только ради того, чтобы ляпнуть какую-нибудь непристойную гадость. Однажды, например, он сказал: "Бог дал мне этот хвост, чтоб я гонял им мух. Лучше б он избавил меня и от того, и от другого". В отличие от других обитателей фермы он никогда не смеялся. Если его спрашивали почему, то он отвечал, что не видит вокруг ничего смешного. Не признаваясь в этом вслух, он, однако, питал слабость к Боксеру: они часто проводили воскресные дни вдвоем на небольшой лужайке за фруктовым садом, где паслись бок о бок, никогда не разговаривая.

Лошади как раз устраивались поудобнее, когда на гумно гуськом ввалился потерявший свою мамашу выводок утят, которые слабо попискивали и бросались то туда, то сюда в поисках места, где бы их не затоптали. Кашка вытянула ноги и огородила ими утят. Почувствовав себя в безопасности, утята сразу же заснули.

В последнюю минуту, изящно семеня копытцами и похрустывая кусочком сахара, вбежала красotka Молли, глупенькая белая кобылка, обычно возившая двуколку мистера Джонса. Она заняла место поближе к помосту и принялась потряхивать своей белой гривой, желая привлечь внимание к заплетенным в нее красными ленточкам. И самая последняя явилась кошка. Она огляделась, по обыкновению выискивая уголок потеплее, и, наконец, втиснулась между Боксером и Кашкой, где удовлетворенно промурлыкала в течение всей Майоровой речи, пропустив мимо ушей все до единого слова.

Теперь, наконец, были в сборе все животные фермы, кроме ручного ворона Моисея, дремавшего на шесте у задней калитки. Лишь только Майор удостоверился, что все расположились удобно и ждут его слов со вниманием, он откашлялся и заговорил:

- Товарищи! Вы все уже слышали, что вчера мне приснился удивительный сон. Но об этом позже. Сначала я хочу поведать вам вот о чем. Я чувствую, товарищи, что мой долг, прежде чем я умру, - поделиться с вами приобретенными мной жизненной мудростью и опытом, - а я не уверен, что проживу среди вас еще хотя бы несколько месяцев. Я прожил долгую жизнь и много размышлял, лежа в одиночестве в своем свинарнике. Мне кажется, что у меня есть право сказать: я понял сущность жизни на этой земле, как никто из моих современников. Вот об этом я и хочу побеседовать с вами.

В чем же, товарищи, состоит сущность нашего бытия? Давайте посмотрим правде в лицо: наша жизнь коротка, изнурительна и несчастлива. С самого появления на свет нас кормят так, чтоб мы только не подохли, и каждого из нас, у кого есть силы, заставляют работать до последнего вздоха, а как только мы становимся бесполезными, нас забивают с отвратительной жесткостью! Ни одно животное Англии в возрасте старше одного года не знает ни радостей, ни покоя. Все животные в Англии - несвободны! Правда заключается в том, что удел животных - страдания и рабский труд.

Но, может быть, таков закон природы? Может, это оттого, что наша страна так бедна, что не способна обеспечить достойную жизнь ее обитателей? Нет, товарищи, тысячу раз нет! Мягкий климат и плодородная почва Англии могут давать пропитание гораздо большему числу животных, чем населяет ее теперь. На одной нашей ферме вполне могли бы жить припеваючи, с удобствами, какие вы сейчас даже не можете себе представить, - дюжина лошадей, двадцать коров, сотни овец!

Почему же тогда мы живем так, как мы живем? Потому что почти все плоды нашего труда крадут у нас двуногие твари. Здесь, товарищи, гвоздь наших проблем! Их суть заключается в одном слове: ЧЕЛОВЕК, Человек - вот наш единственный подлинный враг. Уберите Человека - и коренная причина голода и изнурительных трудов будет устранена навеки.

Человек - единственное живое существо, которое потребляет, не производя. Он не дает молока, не несет яиц, он слишком слаб, чтобы таскать за собой плуг и бежит так медленно, что не может поймать даже кролика. Но он Бог и Царь всех домашних животных. Заставляя животных работать, он возвращает им лишь скудный прожиточный минимум - только чтобы они не околели с голоду, а все остальное присваивает себе. Наш труд воздвигает землю, ее удобряет наш навоз, но ни у кого из нас нет ничего, кроме своей жалкой шкуры.

Вот вы, коровы, лежащие передо мной, сколько тысяч галлонов молока вы дали в этом году? и что стало с этим молоком, которое могло бы пойти на выкармливание крепких телят? Все оно, как в прорву, ушло в утробу Человека!

А вы, куры, сколько яиц вы снесли в этом году? и сколько цыплят высидели? Почти все яйца проданы на рынке, а деньги пошли на Джонса и его людей!

А где, Кашка, твои четыре жеребенка, которых ты выносила и родила в муках? Они могли бы стать опорой и отрадой твоей старости! Но все четверо проданы с торгов в годовалом возрасте и ни одного из них ты уже никогда не увидишь! И что, кроме стойла и охапки сена, ты получаешь в награду за все твои труды и четырех рожденных в муках жеребят?

Но и то жалкое существование, которое мы влачим, нам не дадут дотянуть до отмеренного природой срока. Что касается меня, то мне жаловаться грех. Я вхожу в число немногих счастливых, мне двенадцать лет, у меня было более четырехсот детей, моя судьба отвечает естественному порядку вещей. Но, как правило, каждый из нас в итоге идет под нож!

Вот вы, сидящие сейчас передо мной молоденькие поросятки! Не пройдет и года, и все вы распрощаетесь с жизнью, визжа от боли и страха на деревянной колоде! И эта ужасная участь подстерегает всех нас - коров, свиней, кур, овец - всех! Даже лошадям и собакам не миновать общей судьбы. Вот ты, Боксер, - в тот самый день, когда твое могучее здоровье оставит тебя, Джонс продаст тебя на живодерню, где тебе перережут горло, а мясо твое пойдет на кормежку гончим собакам. А вам, собаки, когда состаритесь, и зубы у вас выпадут, Джонс привяжет по кирпичу на шею и утопит в ближайшем пруду.

Разве вам не ясно теперь, товарищи, что все зло нашей жизни исходит от тирании двуногих? Стоит только избавиться от Человека, и плоды нашего труда будут принадлежать нам. Почти в тот же день мы станем богаты и свободны. Итак, что же нам следует делать? А вот что: день и ночь, душой и телом трудиться во имя освобождения от гнета человеческой расы!

Вот вам мой завет: Восстание! Я не знаю, когда Восстание грянет, быть может, уже через неделю, а, может быть, только через сотню лет, но я убежден, что справедливость рано или поздно восторжествует. Это так же верно, как то, что под ногами у меня сейчас вот эта солома. На все оставшиеся дни - сделайте Восстание целью вашей жизни. И передайте мой завет тем, кто придет после вас, - и пусть будущие поколения доведут нашу борьбу до конца!

И помните, товарищи, никаких колебаний! Никакие кривые слова не должны сбивать вас с толку! Не слушайте, когда вас станут уверять, будто у Человека и животного - общие интересы, что его процветание - это наше процветание. Все это ложь. Кроме себя самого, Человек не нужен никому.

А мы, животные, будем крепить наше единство и товарищество по борьбе. Все люди - наши враги. Все животные - соратники.

Последние слова Майора потонули вдруг в ужасном гаме. Оказывается, четыре огромные крысы незаметно выбрались из своих нор и, присев на задние лапки, тоже слушали его речь. Хотя и не сразу, но собаки все-таки учуяли их, и только стремительным бегством в норы крысы спасли свои шкуры. Майор приподнял переднее копытце, призывая к молчанию.

- Товарищи, - сказал он, - вот вопрос, который надо решить немедленно: друзья нам или враги дикие животные вроде крыс или зайцев? Давайте поставим это на голосование. Я предлагаю собранию вопрос: считать ли крыс нашими товарищами?

Голосование провели немедленно, и подавляющим большинством голосов было решено, что крысы - товарищи. Только четверо голосовали против этого: три собаки и кошка. Впрочем, как выяснилось, киска подняла лапу дважды - и за, и против.

Майор продолжал:

- Мне остается сказать немного. Я повторю: помните всегда, что ваш долг быть врагами Человека и всего образа жизни Человека. Любой двуногий - враг. Любое четвероногое, любая птица - друг. Помните, что, сражаясь против Человека, вы ничем не должны уподобляться ему. Даже когда вы одолеете его не перенимайте его пороков. Ни одно животное не должно жить в доме, спать в кровати, носить одежду, пить спиртное, курить, прикасаться к деньгам, торговать. Все обычаи Человека - зло! И самое главное: пусть животное никогда не угнетает себе подобных. Сильные и слабые, разумные и не очень все мы братья. Животные не должны убивать других животных. Все животные равны.

А теперь, товарищи, я поведаю вам свой последний сон. Передать его весь я просто не в силах. Это был сон о земле, какой она будет после исчезновения Человека. И вспомнилось мне давно позабытое. Много лет тому назад, когда я еще был поросенком-сосунком, моя мать и другие свиньи, бывало, напевали старую песню, хотя помнили только мотив, да еще три первых слова из нее. В детстве я знал эту мелодию, но с тех пор прошло много лет и она выветрилась из моей памяти. И вот эта мелодия вдруг припомнилось мне вчерашней ночью во сне. Мало того, слова песни, которые, как я уверен, сочинили животные давным-давно и которые, казалось, исчезли из памяти поколений, - слова песни я тоже вспомнил! Я спою вам эту песню, товарищи. Я стар, и голос мой хрипит, но когда вы запомните мелодию и слова, вы сами споете лучше. Она называется "Все животные Британии".

Старый Майор откашлялся и запел. Как он и предупреждал, голос у него был хриплый, но пел он совсем неплохо, и мотив у песни был бодрый, что-то среднее между "Клементиной" и "Кукарачей". Слова были таковы:

Все животные Британии,

Звери, птицы и скоты,

Верьте мне, что день настанет

И исполнит все мечты.

Мир насилия мы разрушим,

Власть двуногих упадет.

Вольно и единодушно

Будет жить свободный скот!

Знайте все: мы с вами скоро

Свергнем тяжкий гнет цепей,

Сбросим шоры мы и шпоры,

И забудем свист плетей.

Ждет нас сладкая свобода,

Мир прекрасней наших грез:

Покоренная природа,

Сено, клевер и овес.

Будет свекла кормовая,

Рис и теплая вода,

И людская воля злая

Нас оставит навсегда.

К цели будем мы стремиться,

Силы наши велики!

За работу, кони, птицы,

Свиньи, овцы и быки!

Все животные Британии

И других земель скоты,

Верьте мне, что день настанет

И исполнит все мечты!

Эта песня привела животных в дикое возбуждение. Майор еще не добрался до ее

конца, а они уже подхватили песню сами. Даже самые глупые из них сразу же усвоили мотив и часть слов, а что касается самых разумных, таких, как свиньи и собаки, то они за несколько минут запомнили всю песню наизусть.

И после нескольких проб вся ферма в потрясающем единстве разразилась "Животными Британии". Коровы мычали эту песню, собаки ее выли, овцы блеяли ее, лошади ржали, утки крякали. Они были в таком восторге от песни, что спели ее пять раз кряду и пели бы еще всю ночь, если бы их не прервали.

Пение, к несчастью, разбудило мистера Джонса, который вскочил с кровати в полном убеждении, что во двор забралась лисица. Он схватил охотничье ружье, которое всегда стояло заряженным в углу его спальни, и выпалил в темноту картечью шестого калибра. Несколько картечин попало в стену гумна, и все скопище моментально распалось. Все разбежалось по своим углам. Птицы взлетели на шестки, животные улеглись в солому, и очень скоро вся ферма погрузилась в сон.

Глава вторая

Три ночи спустя старый Майор мирно скончался. Он заснул и уже не проснулся. Его тело зарыли на окраине фруктового сада.

Это случилось в начале марта. В течение последующих трех месяцев на ферме шла бурная конспиративная деятельность. Речь Майора наиболее разумным животным фермы открыла совершенно новый взгляд на жизнь. Они не знали, когда начнется предсказанное Майором Восстание, у них не было никаких оснований полагать, что они до этого доживут, но они ясно осознали свой долг готовить Восстание.

Все бремя организации и обучения легло на плечи свиней, которые, по общему признанию, были самыми одаренными среди животных. Особенно выделялись два племенных кабана, Наполеон и Снежок, которых мистер Джонс выращивал на продажу. Наполеон, единственный на ферме хряк беркширской породы, был довольно свиреп на вид. Он не отличался красноречием, но все уважали его за умение настоять на своем.

Снежок был бойчей, изобретательней и гораздо острее на язык, но многие считали, что глубиной характера он уступал Наполеону.

Еще несколько холощеных кабанов мистер Джонс откармливал на убой. Из них наибольшей популярностью пользовался толстый маленький боров по кличке Визгун - с округлыми щечками, мигающими глазками, проворными движениями и пронзительным голоском. Это был блестящий оратор. Когда Визгун доказывал какой-нибудь особенно трудный тезис, он обыкновенно припрыгивал из стороны в сторону и подергивал хвостиком, что всегда как-то очень убеждало. О нем говаривали, что Визгун из черного может сделать белое.

Эти трое развили учение старого Майора в законченную систему воззрений, которую они называли Зверизмом. Ночами, по несколько раз в неделю, как только мистер Джонс засыпал, они устраивали тайные сборища на гумне, где излагали принципы Зверизма другим животным. Поначалу они столкнулись с определенным недоумием или равнодушием. Некоторые животные напоминали о долге повиновения мистеру Джонсу, которого они называли "Хозяин", выдвигая примитивные доводы типа: "Мистер Джонс кормит нас. Если его не станет, мы передохнем с голоду". Другие спрашивали: "Зачем нам заботиться о том, что произойдет только после нашей смерти?" или "Если Восстание в любом случае неизбежно, то какая разница, будем

мы его готовить или нет?", и нелегко было свиньям убедить их, что такие высказывания противоречат духу Зверизма. Самые глупые вопросы задавала белая кобылка Молли. Первое, что она спросила у Снежка, это будет ли после Восстания сахар.

- Нет, - твердо ответил Снежок, - мы не сможем сами производить у себя сахар. Да тебе и не нужен будет сахар. У тебя будет овса и сена, сколько ты захочешь.

- А можно мне будет вплетать в гриву ленточки? - спросила Молли.

- Товарищ зверь, - сказал Снежок, - эти твои любимые ленточки - не что иное, как символ рабства. Неужели ленточки тебе дороже свободы? Я уверен, что нет!

Молли согласилась, но ее согласие не выглядело особенно искренним.

Еще более тяжелую борьбу выдержали свиньи, разоблачая вредные выдумки ручного ворона Моисея. Любимчик мистера Джонса Моисей был, конечно, шпионом и сплетником, но зато врал он талантливо. Он утверждал, что после смерти все животные будто бы попадают в чудесную страну под названием Леденцовые Горы. Моисей уверял, что эти Леденцовые Горы находятся где-то высоко в небе, за облаками. Там семь воскресений на неделе, свежим клевером кормят зимой и летом, а колотый сахар и льняной жмых растут прямо на заборах. Животные недолюбливали Моисея за то, что он только болтает и не работает, но многие из них верили в Леденцовые Горы, и свиньям пришлось потратить немало усилий, доказывая, что такой страны не существует.

Наиболее верными учениками свиней оказались обе ломовые лошади, Боксер и Кашка. Они с огромным трудом могли бы что-нибудь придумать сами, но признав однажды свиней своими учителями, они принимали все, что те говорили, на веру и в доходчивых выражениях объясняли это другим животным. Они никогда не пропускали тайных сходов на гумне и первыми запевали "Всех животных Британии". Собрания всегда заканчивались пением этой песни.

Случилось так, что Восстание победило раньше и намного легче, чем предполагалось. Мистер Джонс хотя и был жестоким человеком, но в прежние годы хозяйствовал не так уж и плохо. Теперь же у него вдруг пошла полоса неудач. Началось с того, что он с большим убытком проиграл какую-то тяжбу, пал духом от этого и запил. Целыми днями он сидел на кухне, развалившись в виндзорском кресле, полистывал газеты, наливался спиртным и кормил Моисея размоченными в пиве хлебными корками. Его работники обленелись и стали подворовывать, поля заросли бурьяном, крыши построек прохудились, живые изгороди пришли в полное запустение, а скотина была все время недокормлена.

Приближался июнь, и сено почти созрело для косы. В канун Иванова дня, который пришелся на субботу, мистер Джонс отправился в Виллингдон и там до того нарезался в "Рыжем Льве", что в воскресенье возвратился домой только к полудню. В отсутствие хозяина его работнички сразу после утренней дойки отправились охотиться на зайцев, даже и не подумав покормить скотину. Сам же мистер Джонс, вернувшись, тут же завалился на диван и заснул с газетой "Ньюс оф зе уорлд" на лице, так что и к вечеру животные остались голодными. Наконец терпение у них лопнуло. Одна из коров вышибла рогами двери амбара, и голодные животные набросились на мешки с зерном.

Как раз в это время мистер Джонс наконец продрал глаза. Уже через минуту он и

четверо его людей ворвались в амбар с бичами и принялись хлестать всех, кто только попадался под руку. Этого животные уже не могли вынести. Хотя заранее они ни о чем подобном не сговаривались, тут они совсем озверели и в едином порыве набросились на своих мучителей. На Джонса и его людей со всех сторон посыпались удары рогов и копыт. Положение совсем вышло из-под контроля. Люди раньше никогда не видели, чтобы скотина вела себя таким образом, и их напугало и ошеломило внезапное возмущение тварей, которых они привыкли стегать бичами и вообще помыкать, как вздумается.

Пустив в ход сапоги, пару минут они еще пытались обороняться. Но еще через минуту все пятеро пустились в бегство по проселку, ведущему к главной дороге, а животные, торжествуя, преследовали их.

Когда миссис Джонс выглянула во двор из окна спальни и увидела, что там происходит, она поспешно покидала кое-какие пожитки в саквояж и выскользнула с фермы другой дорогой. Моисей снялся со своего шеста и, громко каркая, полетел за нею вслед. Между тем животные прогнали Джонса и его работников и захлопнули за ними обитые железными скрепами главные ворота фермы. Вот так, даже не осознав случившегося, животные свершили победоносное Восстание: Джонс был изгнан, а "Барская Ферма" перешла к ним. Первые минуты животные едва верили в свою удачу. Одержав победу, они сначала табуном промчались вдоль границ фермы, словно желая удостовериться, что от них не укрылось ни одно отродье рода человеческого. А потом они помчались назад в усадьбу, чтобы вымести последние следы ненавистной тирании Джонса.

Они взломали на конюшне дверь в кладовую, где хранилась упряжь, и утопили в колодце удила, кольца для ноздрей и собачьи цепи, изуверские ножи для кастрации поросят и ягнят. Поводья, уздечки, шоры, унижительные торбы они побросали в подожженную мусорную кучу во дворе. Туда же закинули и бичи, и когда они запылали, животные запрыгали от радости. Ленты, которые вплетали в лошадиные хвосты и гривы по праздничным дням, Снежок также бросил в огонь.

- Ленты, - сказал он, - следует рассматривать как одежду, каковая является отличительной чертой расы двуногих. Животные должны блюсти свою наготу.

Услышав это, Боксер сходил за маленькой соломенной шляпкой, которой он летом прикрывал от мух свои уши, и тоже предал ее огню.

После того, как они уничтожили эти напоминания о тирании Джонса, Наполеон повел их назад к амбару и выдал всем двойную норму зерна, а каждой собаке по два сухарика. Потом семь раз кряду спев "Всех животных Британии", они разошлись по своим местам и заснули так крепко, как не спали никогда.

На рассвете они проснулись как обычно и тут же, вспомнив, что произошло накануне, все вместе выбежали на пастбище. Здесь на лугу находился холм, с которого открывался вид на всю ферму. Животные взбежали на этот холм и огляделись кругом. Это были их владения - все, что они видели в ярком утреннем свете, принадлежало им! Придя от этой мысли в восторг, они носились по кругу, по кругу, возбужденно подпрыгивали, катались по росе, набивали рты сладкой летней травой, копытами взрывали черную землю и вдыхали ее благоухание.

Потом они устроили торжественный обход всей фермы и в немом восхищении обозрели пашни и луга, сад, пруд и рошу. Они как будто впервые видели все это, и даже сейчас им с трудом верилось, что теперь все это принадлежит им, животным.

Вернувшись в усадьбу, они молча остановились у дверей господского дома. Дом теперь тоже принадлежал им, но внутрь входить все равно было как-то страшновато. Через минуту, однако, Снежок и Наполеон разом толкнули двери, распахнувшись от этого настужь, и животные гуськом вошли в дом, ступая с величайшей осторожностью из опасения перевернуть что-нибудь. Они переходили из комнаты в комнату на цыпочках, боясь выговорить слово даже шепотом и с каким-то благоговейным ужасом глядя на невероятную роскошь: на кровати с пуховыми перинами, на зеркала, на диван, набитый конским волосом, на брюссельский ковер и литографию с изображением королевы Виктории, стоявшую на камине в гостиной.

Когда, спускаясь по ступенькам, они выходили из дома, кто-то вдруг хватился, что с ними нет Молли. Пришлось вернуться назад. Оказалось, что Молли отстала от всех и застряла в самой роскошной спальне. Взяв кусок голубой ленты с туалетного столика миссис Джонс, Молли примеряла его себе через плечо, любуясь своим отражением в зеркале с самым глупейшим видом. Ее жестоко выругали и покинули дом.

Несколько свиных окороков, висевших на кухне, взяли с собой для погребения, да еще Боксер проломил ударом копыта пивной бочонок в буфетной больше в доме ничего не тронули. Тут же на месте они приняли единодушное решение сохранить дом как музей. Ни у кого и мысли не возникло, что кто-нибудь из них захочет тут поселиться.

После завтрака Снежок и Наполеон вновь собрали всех животных.

- Товарищи звери! - сказал Снежок. - Сейчас половина седьмого, и впереди у нас долгий день. Сегодня мы начнем сенокос. Но сначала нам предстоит еще одно неотложное дело.

Свиньи открылись, что за последние три месяца они выучились читать и писать - по найденному ими на помойке старому букварю, когда-то принадлежавшему детям мистера Джонса. Наполеон послал за ведрами с черной и белой краской и повел всех вниз, к выходящим на главную дорогу воротам, которые были окованы пятью железными скрепами. Там Снежок, у которого был самый лучший почерк, замазал кистью слова "Барская Ферма" на верхней железной планке и вместо этого вывел: "Зверская Ферма". Именно так она должна была теперь называться. После этого они возвратились в усадьбу, где Снежок и Наполеон послали за стремянкой, велел приставить ее к торцовой стенке большого гумна. Они объяснили, что трехмесячными усилиями свиней принципы Зверизма сведены ныне к Семи Заповедям. Эти СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ будут теперь начертаны на стене. Они образуют нерушимый закон, по которому отныне и навеки будут жить все звери фермы. Не без труда (потому что свинье нелегко удержать равновесие на ступеньках лестницы) Снежок взобрался наверх и принялся за работу, а Визгун несколькими ступеньками ниже держал ведро с краской. Заповеди были выведены большими белыми буквами на просмоленной стене, и каждый мог прочесть эти буквы с тридцати ярдов. Они гласили:

СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ

1. Всякое двуногое существо - ВРАГ.
2. Всякое четвероногое или пернатое существо - ДРУГ.
3. Зверь не носит одежду.

4. Зверь не спит в кровати.
5. Зверь не пьет спиртное.
6. Да не убьет зверь другого зверя.
7. Все звери равны.

Все это было выведено очень красиво и, не считая того, что вместо "друг" на самом деле получилось "дург", да еще буква "с" смотрела в одном месте не в ту сторону, все остальное было написано совершенно правильно. Снежок огласил текст Заповедей. Все согласно закивали, а самые умные из животных тут же принялись заучивать заповеди наизусть.

- А теперь, товарищи, - сказал Снежок, отбросив кисть, - на сенокос! Уберем сено быстрее, чем работники Джонса, пусть это будет делом нашей чести!

В эту минуту все три коровы, которые давно переминались с ноги на ногу, громко замычали. Бедняг не доили уже целые сутки, и они просто лопались от переполнявшего их молока. После недолгих размышлений свиньи послали за подойниками и справились с делом довольно успешно - раздвоенные копытца свиней, как оказалось, были вполне приспособлены для этой задачи. После дойки набралось целых пять ведер пенящегося жирного молока, на которое многие из животных смотрели с неподдельным интересом.

- Что мы с ним сделаем? - спросил кто-то.

- Джонс иногда добавлял немного молока в наше пойло - прокудахтала какая-то курица.

- Не думайте об этом, товарищи, - воскликнул Наполеон, заслонив молочные ведра собою. - О молоке позаботятся. Сенокос сейчас важнее всего. Товарищ Снежок поведет вас. Я присоединюсь к вам через несколько минут. Вперед, товарищи! Дело не ждет!

И животные строем зашагали на работу. Вернувшись вечером, они заметили, что молоко куда-то исчезло.

Глава третья

Как они работали и сколько пота пролили на этом сенокосе! Но труды их не пропали даром, потому что результат уборки превзошел все их ожидания.

Работалось иногда очень трудно: все инструменты были приспособлены под людей, а не под животных, и главным препятствием было то, что ни одно из животных не могло справиться с орудиями, применение которых требовало хождения на двух ногах. Свиньи, однако, проявляли чудеса изобретательности и так или иначе находили выход из любого положения. Что же касается лошадей, то они прекрасно знали каждую пядь земли, а в косьбе и скирдовании понимали едва ли не больше, чем Джонс и его работники.

Само собой сложилось, что свиньи не принимали непосредственного участия в работах, а только руководили и надзирали за остальными - благодаря превосходству

в знаниях обязанность руководить легла на них самым естественным образом. Боксер и Кашка сами впрягались в сенокосилку или большие ворошильные грабли на конной тяге (разумеется, без всяких удил и поводьев) и ходили размеренно кругами по лугу, а свинья шла сзади и по мере необходимости отдавала команды: "Но-о, товарищ зверь! Пошел!" или "Тпру, товарищ зверь! Тпру!". В ворошении и уборке скошенного сена приняли участие все животные, даже самые мелкие. Даже утки и куры, невзирая на жару, трудились весь день, перенося крохотные пучки травы в своих клювиках.

В итоге они разделались с сенокосом на два дня раньше, чем в прошлом году работники Джонса. Уборку удалось провести совершенно без потерь, зоркие куры и утки подобрали все до последнего стебелька. И ни одно животное не украло ни травинки.

Все лето дела на ферме шли как по маслу. Животные никогда в жизни даже и не подозревали, что могут чувствовать себя такими счастливыми. Каждый глоток еды доставлял им самое острое наслаждение, потому что это теперь и вправду была ИХ пища, которую они сами производили для себя, а не подачка жадного хозяина. Теперь, когда никчемные двуногие паразиты исчезли, даже несмотря на всю неопытность животных и еды и свободного времени у них было больше. Их ожидали многочисленные непредвиденные трудности: например, в самом конце сезона, во время уборки хлеба, пришлось вместо молотьбы дедовским способом вытаптывать зерна из колосьев, а провеивать зерно - силой собственного дыхания, потому что ни молотилки, ни веялки на ферме не было. Но сообразительность свиней и мощная мускулатура Боксера помогали выпутываться из всех затруднений.

Непомерные силы Боксера были предметом всеобщего восхищения. И во времена Джонса он был усердным работягой, теперь же он просто вкалывал за троих. Бывали дни, когда казалось, что все на ферме держится на его могучих плечах. С утра до ночи он таскал или подталкивал, всегда находясь там, где труднее. Он договорился с петухом, чтобы тот будил его по утрам на полчаса раньше всех остальных, и до начала дневных работ один добровольно трудился там, где, по его мнению, это было всего нужнее. В ответ на любое затруднение, на любую неудачу он говорил: "Я буду работать еще упорней!" Эти слова стали его девизом.

Но и все остальные старались в меру своих сил. Куры и утки, например, подбирая упавшие колоски, сберегли зерна на целых пять бушелей. Никто не воровал, никто не жаловался на еду, а ссоры, взаимные щепки и зависть, которые в прежние времена были повседневным явлением, теперь почти исчезли. Никто не ленился - или почти никто. Молли, правда, не очень хорошо поднималась по утрам и имела обыкновение уходить с работы пораньше под предлогом мозолей на копытах. Странновато выглядело поведение кошки. Очень скоро все заметили, что ее обычно невозможно найти перед началом работ, она пропадала где-то часами - а потом, как ни в чем не бывало, приходила к обеду или вечером после окончания рабочего дня. Но у нее всегда были такие исключительные уважительные причины и мурлыкала она так проникновенно, что усомниться в ее добрых намерениях было невозможно.

Старый осел Бенджамин, казалось, несколько не изменился после Восстания. Он выполнял свою работу с той же неторопливой тщательностью, как при Джонсе, ни от каких заданий не увиливал, но и не надрывался на добровольных сверхурочных. О Восстании и его последствиях он своего мнения не высказывал. Когда его прямо спрашивали, чувствует ли он себя счастливее после изгнания Джонса, он обыкновенно произносил что-нибудь вроде:

- Ослы живут долго. Никто из вас еще не видел дохлого осла.

Приходилось довольствоваться этим туманным ответом.

По воскресеньям не работали. Завтракали на час позже, чем обычно, а после завтрака происходила церемония, которая неукоснительно соблюдалась каждую неделю. Сначала поднимали флаг. Снежку попала в подсобке для инструментов старая зеленая скатерть миссис Джонс, на которой он белой краской намалевал рог и копыта. Каждое воскресное утро поднимали теперь эту скатерть на флагштоке бывшего жилого дома. "Зеленый цвет нашего знамени, объяснял Снежок, - обозначает луга и пастбища Англии, а копыто и рог символизируют грядущую Республику Зверей, которую мы создадим после полной и окончательной победой над родом человеческим".

После подъема флага все животные собирались на большом гумне на общее собрание или Совет. Здесь намечались работы на предстоящую неделю и велось обсуждение предлагаемых постановлений. Авторами и инициаторами всех постановлений Совета всегда были свиньи. Другие животные скоро усвоили сам обычай голосования, но самостоятельно выдвигать предложения так и не научились.

Активнее всех в обсуждении проектов постановлений участвовали оба хряка - Снежок и Наполеон. Было, однако, замечено, что эта парочка никогда ни в чем не бывает согласна. Что бы ни предлагал один из них, другой непременно был против. Даже когда возникала идея - сама по себе не вызывавшая разногласий - небольшой лужок за садом отвести под пастбище для тех животных, которые по старости утратят трудоспособность, Снежок и Наполеон сцепились по вопросу о пенсионном возрасте для каждой породы животных.

Совет всегда заканчивался пением "Всех животных Британии". Послеобеденное время отводилось для воскресных развлечений.

Свиньи превратили подсобку, где раньше хранились инструменты и упряжь, в свою штаб-квартиру. По книгам, вынесенным из дома, они вечерами изучали здесь кузнечное дело, плотницкое искусство и другие необходимые ремесла. Снежок, кроме этого, занялся созданием "животкомов", или Животных Комитетов. В этом ему не было равных. Он организовал Комитет по Производству Яиц для кур и Лигу Чистых Хвостов для коров, Комитет Перековки Диких Товарищей (с целью перевоспитания крыс и зайцев), Движение за Самую Белую Шерсть для овец и многое другое - помимо обучения чтению и письму.

В своем большинстве эти затеи потерпели крах. Попытка приручить диких животных провалилась почти с самого начала. Они продолжали жить по-старому, а когда к ним проявляли великодушие, просто старались извлечь из этого максимальные выгоды. В Животком Перековки вошла кошка и в течение нескольких первых дней работала в нем очень активно. Однажды ее видели сидящей на крыше, где она проводила воспитательную беседу с воробьями, которые, впрочем, были вне пределов ее досягаемости. Она говорила им, что все звери теперь - товарищи и что любой воробей может, если захочет, подлететь и посидеть у нее на лапке. Воробьи, однако, держались от нее подальше.

Занятия чтением и письмом, впрочем, пользовались большим успехом. К осени каждое животное на ферме в той или иной степени повысило свой образовательный уровень. Что касается свиней, то они давно овладели грамотой в совершенстве. Сравнительно неплохо выучились читать собаки, но, если не считать Семи Заповедей, чтение их

мало интересовало. Коза Мюриель превзошла в чтении даже собак и иногда по вечерам, бывало, зачитывала для окружающих обрывки газетных статей, которые ей попадались на помойке. Бенджамин читал не хуже любой свиньи, но своих способностей особо не применял. "Насколько я знаю, - говорил он, - на свете нет ничего такого, что действительно стоит прочтения". Кашка выучила весь алфавит, но слова складывать не умела. Боксеру не удалось пойти дальше буквы "Г". Он своим огромным копытом выводил в пыли буквы "А, Б, В, Г", а потом стоял и вглядывался, сдвинув уши назад, потряхивая временами гривой и стараясь изо всех сил припомнить, что там дальше, и всегда безуспешно. Иногда, правда, он брался учить "Д, Е, Ж, З", но к тому моменту, когда он осваивал их, оказывалось, что буквы "А, Б, В, Г" начисто улетучились из его памяти. Наконец, он решил удовлетвориться четырьмя первыми буквами алфавита и обыкновенно писал их дважды или трижды на дню, чтобы освежить их в памяти. Молли отказалась учить что-либо еще кроме литер, из которых складывалось ее имя. Она очень искусно выкладывала их из прутиков, украшала парой-другой цветочков и разгуливала вокруг, не сводя с них восхищенного взора.

Все остальные не продвинулись дальше буквы "А". Кроме того, выяснилось, что самые неспособные животные, например овцы, куры и утки, не в силах запомнить наизусть даже Семь Заповедей. После некоторого размышления Снежок объявил, что Семь Заповедей можно на деле свести к единственному принципу, а именно: "Четыре ноги - хорошо, две ноги - плохо". "Этот принцип, - сказал он, - вполне выражает сущность Зверизма. Всякий, кто его прочно усвоил, застрахован от человеческого влияния". Птицы поначалу возражали, потому что им показалось, будто у них тоже две ноги, но Снежок с легкостью переубедил их.

- Птичье крыло, товарищи звери, - сказал он, - не есть орган действия или преступного бездействия. Крыло - орган ПЕРЕДВИЖЕНИЯ, то есть НОГА. Отличительный признак человека - это РУКА, орудие его бесчисленных злодеяний.

Птицы не поняли длинных слов, которые употребил Снежок, но приняли его объяснение на веру. Животные не слишком одаренные все до единого стали заучивать новый афоризм наизусть. Слова ЧЕТЫРЕ - ХОРОШО, ДВЕ - ПЛОХО начертали на торцовой стенке гумна выше Семи Заповедей и более крупными буквами. Выучив это правило наизусть, овцы очень полюбили его. Лежа на лугу, они часто начинали блеять хором: "Четыре - хорошо, две - плохо, четыре хорошо, две - плохо..." и могли твердить это часами, нисколько не уставая.

Наполеон к комитетам Снежка не проявлял видимого интереса. Он говорил, что забота о подрастающем поколении гораздо важнее и перспективнее всего, что можно сделать для взрослых. Джесси и Блюбель оценились сразу после сенокоса, родив в общей сложности девятерых щенят. Как только щенки смогли обходиться без материнского молока, Наполеон забрал их, сказав, что сам займется их воспитанием. Он поселил щенков на сеновале, куда можно было попасть только по приставной лестнице из подсобки для инструментов, и держал их там в таком уединении, что на ферме скоро забыли об их существовании.

Тайна исчезновения молока раскрылась быстро. Это молоко каждый день замешивали теперь в свиное поило. Подсупели ранние сорта яблок, и сад завалило падалицей. Сначала животные считали самим собою разумеющимся, что эти яблоки следует разделить поровну между всеми, но тут последовал приказ снести их в подсобку - в распоряжение свиней. Тут некоторые из животных было возроптали, но без толку. У свиней было полное единодушие по этому вопросу даже у Снежка с Наполеоном. Миссия разъяснить необходимость такого решения была возложена на Визгуна.

- Товарищи звери! - хрюкал Визгун. - Вы, надеюсь, не думаете, что мы, свиньи - просто эгоисты, ищем для себя привилегий - и потому пьем молоко и лопаем яблоки? Если хотите знать, многие из нас не любят ни молока, ни яблок. Я сам, например, их терпеть не могу! Единственная цель, которую преследует данное решение, - это поддержать наше здоровье. Молоко и яблоки (и это научно доказанный факт, товарищи!) содержат вещества, совершенно необходимые для здоровья свиней. Мы, свиньи, - животные умственного труда, мы - руководящая и направляющая сила этой фермы. День и ночь мы заботимся о всеобщем благосостоянии. Это ради ВАС мы пьем это молоко и давимся яблоками! Знаете ли вы, что будет, если мы, свиньи, не сможем больше справляться со своими обязанностями? Джонс вернется! Да-да, Джонс вернется! Неужели, товарищи, - вопил Визгун почти умоляюще, прыгая во все стороны и размахивая хвостиком, - неужели кто-нибудь из вас хочет снова увидеть Джонса?

Уж если и было что-то на свете, в чем животные были уверены, так это в том, что они не желают возвращения Джонса. Как только вопрос о яблоках предстал перед ними в этом свете, им уже было нечего возразить. Важность поддержания свиней в добром здравии была очевидной. Без дальнейших споров было решено, что молоко и попадавшие яблоки (а заодно и основной урожай яблок, как только они созреют) пойдут только на свиней.

Глава четвертая

К концу лета слухи о том, что происходит на Зверской Ферме, облетели всю округу. Каждый день Снежок и Наполеон снаряжали стаи голубей, давая им одно и то же задание: заводить связи с домашней скотиной на других фермах, рассказывать им историю Восстания и обучать их пению "Всех животных Британии".

Почти все это время мистер Джонс провел в пивном баре "Рыжий Лев" в Виллингдоне, жалуясь всем, у кого была охота его слушать, на постигшую его великую несправедливость, на подлых, ничтожных скотов, осмелившихся посягнуть на священное право частной собственности. Другие фермеры в общем сочувствовали ему, но на первых порах никакой особенной помощи не оказали. Каждый из них в душе надеялся извлечь из неприятностей Джонса какую-нибудь пользу для себя.

К счастью для животных, владельцы двух ближайших соседних ферм на дух не выносили друг друга. Земли обширной, но запущенной фермы Фоксвуд сильно заросли кустарником, хозяйство там велось по старинке, пастбища были истощены, а живые изгороди находились в безобразном состоянии. Владелец Фоксвуда мистер Пилькингтон, джентльмен и человек легкомысленный, большую часть своего времени проводил, смотря по сезону, на рыбалке или охоте. Ферма Пинчфильд была поменьше, но содержалась лучше. Владелец ее мистер Фредерик, упрямый и желчный человек, постоянно был занят тяжбами с соседями и слыл большим скупердьяем. Мистер Пилькингтон и мистер Фредерик до того не терпели друг друга, что даже во имя защиты своих собственных интересов вряд ли бы смогли о чем-нибудь договориться.

Тем не менее, их обоих не на шутку напугало восстание на Барской Ферме, и они были сильно озабочены тем, как предотвратить распространение слишком подробных сведений о нем среди своих животных. Сначала они делали вид, будто их смешит сама мысль о домашней скотине, самостоятельно управляющей на ферме. "Все это кончится в течение двух недель", - говорили они. Они распускали слухи, будто животные на Барской Ферме (они не выносили названия "Зверская Ферма" и упорно продолжали именовать ее по-старому) все время грызутся друг с другом и дохнут от

голода. Когда прошло время, а животные от голода явно не вымерли, Фредерик и Пилькингтон сменили пластинку и стали твердить об ужасных пороках, царящих на ферме. Они утверждали, что животные там практикуют каннибализм, пытаются друг друга раскаленными докрасна подковами и ввели общность самок. "Вот к чему приводит восстание против законов Природы", - говорили Фредерик и Пилькингтон.

Тем не менее, в полной мере никто этим рассказам не верил. Слухи о ферме чудес, откуда изгнали двуногих и где животные управляют собой сами, продолжали циркулировать в смутном и искаженном виде, и в течение года по всей стране прокатилась волна неповиновения. Быки, которые раньше всегда вели себя дисциплинированно, вдруг превращались в бешеных диких зверей, овцы ломали изгороди и объедали посевы клевера, коровы опрокидывали подойники, верховые лошади вместо того, чтобы брать препятствие, перебрасывали через него седока.

А кроме того, мелодия и даже слова "Всех животных Британии" стали известны повсюду. Они распространялись с поразительной быстротой. Двуногие не могли скрывать своей ярости, когда слышали эту песню, хотя и делали вид, что она им кажется просто нелепой. Они говорили, что не могут себе представить, как это, даже будучи безмозглой скотиной, можно петь такую галиматью. Но любое животное, которое они заставляли за пением, люди бичевали до полусмерти. И все-таки с песней нельзя было справиться. Черные дрозды высвистывали ее из кустов живой изгороди, голуби нашептывали ее с вязов, она перебивала громохание кузниц и звоны церковных колоколов. И когда люди слышали ее, они втайне трепетали, чувствуя в ней предвестие своей будущей гибели.

В начале октября, когда урожай был снят, сложен в стога и частично обмолочен, стайка голубей, сделав круг в воздухе, в дичайшем возбуждении опустилась во дворе Зверской Фермы. Как оказалось, Джонс со своими работниками и полудюжиной добровольцев из Фоксвуда и Пинчфильда вторгся на территорию фермы через главные ворота, окованные пятью железными скрепами, и направляется вверх по проселку, ведущему к усадьбе. Вооружены они были палками, а Джонс шествовал впереди всех с охотничьим ружьем в руках. Намерения людей были очевидны: они явно собирались отбить ферму.

Этого давно ожидали, и все необходимые приготовления были сделаны заранее. Оборону фермы возглавил Снежок, который изучил найденную в доме старую книгу о походах Юлия Цезаря. Он быстро отдал нужные приказания, и уже через пару минут каждое животное заняло свое заранее назначенное место.

Первую атаку Снежок предпринял, как только люди приблизились к усадьбе. Все 35 голубей взлетели разом и закружились над головами захватчиков, забрасывая их липким пометом, а пока внимание людей было отвлечено к небу, вперед выскочили спрятанные за оградой гуси и стали злодейским образом клевать их за икры. Это была как бы небольшая разведка боем с целью внести в ряды противника легкое замешательство. Люди легко отбились от гусей палками.

Но тут Снежок задействовал вторую линию обороны. Возглавленное самим Снежком стадо овец и баранов, а с ними Мюриель и Бенджамин, - лавиной ринулось на людей. Звери кололи своих врагов рогами, толкали их со всех сторон, а Бенджамин, развернувшись задом, лупил их своими крохотными копытцами. И опять люди легко отбились палками и коваными сапогами, и тогда, по пронзительному визгу, который был условным сигналом к отходу на заранее подготовленные позиции, все животные разом повернули назад и через открытые ворота убежали на скотный двор.

У людей вырвался крик торжества. Они увидели - так им показалось паническое бегство животных и ринулись за ними вслед безо всякого порядка. Именно этого и добивался Снежок. Как только люди достаточно углубились во двор, три лошади, три коровы и все свиньи, которые укрывшись в коровнике, залегли в засаде, внезапно возникли у них в тылу, отрезав путь к отступлению.

Снежок дал сигнал к атаке, а сам бросился прямо на Джонса. Увидев это, фермер поднял ружье и выстрелил. Дробь прочертила глубокие кровавые раны на спине Снежка, а одна овца была застрелена насмерть. Ни на секунду не останавливаясь, Снежок налетел на фермера и все шесть пудов своего веса бросил ему под ноги. Джонс опрокинулся в навозную кучу, и ружье вывалилось из его рук.

Но особенно устрашающее впечатление на захватчиков произвел Боксер. Он вставал на дыбы и бил своими огромными, подбитыми железом копытами как бешеный. Первый же его удар настиг мальчишку-конюха из Фоксвуда, который получил по лбу копытом и распростерся в грязи, не подавая признаков жизни. При виде этого несколько человек отшвырнули свои дубины и обратились в бегство.

Двуногих охватила паника, и уже в следующую минуту животные гонялись за ними по всему двору. Их кололи рогами, били копытами, кусали и топтали. Не было такого животного на ферме, которое бы, как умело, не свело бы с ними своих счетов. Даже кошка неожиданно спрыгнула с крыши на плечи пастуха и запустила ему в горло свои когти, от чего тот в ужасе завопил. В ту минуту, когда ворота вдруг оказались свободными, люди уже были рады возможности вырваться за пределы двора и удрать по главной дороге. Уже через пять минут после вторжения во двор двуногие постыдно убегали тем же путем, которым пришли, а следом за ними, громко шипя, бежали гуси и щипали их за икры.

Все люди, за исключением одного, покинули ферму. Вернувшийся во двор Боксер потрогал копытом конюха, который ничком лежал в грязи, и попытался перевернуть его. Парень не шевельнулся.

- Он умер, - сказал Боксер печально. - Я не хотел этого. Я забыл про свои подковы. Я, - правда, - сделал это не нарочно!

- Ни к чему эти сантименты, товарищ! - воскликнул Снежок. Из ран Снежка сочилась кровь. - На войне как на войне. Только мертвый двуногий - хороший двуногий.

- Я никого не хотел убивать, даже двуногих, - повторял Боксер, и глаза его были полны слез.

- А где Молли? - воскликнул кто-то.

И действительно, Молли пропала. На минуту возник великий переполох, так как все за нее испугались. Что с нею сделали люди - может быть, увели в плен? В конце концов, однако, Молли удалось отыскать в ее собственном стойле, где она лежала, ничего не видя и не слыша, спрятав голову под сеном в яслях. Она сбежала с поля боя, как только раздался выстрел. А когда, посмотрев на нее, все вернулись во двор, оказалось, что мальчишка-конюх, которого Боксер вовсе не убил, а только оглушил, сбежал из усадьбы.

Все еще не остыв, животные вновь собрались все вместе, шумно делясь рассказами о своих ратных подвигах. Тотчас же было устроено импровизированное празднество. Был поднят флаг, несколько раз спели "Животных Британии" и предали

торжественному погребению погибшую смертью храбрых овцу. На ее могиле высадили куст боярышника. Снежок произнес небольшую надгробную речь, упирая в своем выступлении на необходимость если понадобится - всем погибнуть в бою за Зверскую Ферму.

Единодушно было решено учредить боевой орден "Зверь-Герой" первой степени, которым тут же наградили Снежка и Боксера. Этот орден представлял собой медный жетон (а в подсобке обнаружилось несколько таких медных блях) для ношения по праздникам и воскресным дням. Было учреждено и звание "Зверь-Герой" второй степени, которое посмертно присвоили погибшей овце.

Долго спорили о том, как будет называться выигранное сражение. В конце концов назвали его "Битвой при Коровнике", поскольку именно в коровнике была устроена засада, решившая исход битвы. В грязи отыскалось охотничье ружье мистера Джонса, а в доме обнаружили и запас патронов. Ружье решили установить у подножия флагштока в качестве артиллерийского орудия и отныне палить из него дважды в год: 12 октября, в годовщину Битвы при Коровнике, и 24 июня, в годовщину Восстания.

Глава пятая

С началом зимы поведение Молли стало вызывать все большее и большее беспокойство. Каждое утро она опаздывала на работу, оправдываясь тем, что якобы проспала. Жаловалась на непонятные боли, хотя аппетит у нее оставался превосходным. Она стремилась прогулять работу под любым предлогом и пойти вместо этого к пруду с питьевой водой, где она обычно подолгу с глупейшим видом пялилась на свое отражение в воде. Но поговаривали о вещах и более серьезных.

Однажды, когда Молли весело вбежала во двор, размахивая своим длинным хвостом и пожевывая стебелек травы, Кашка отвела ее в сторону.

- Молли, - сказала она, - мне нужно серьезно поговорить с тобой. Сегодня утром я видела, как ты заглядывала через изгородь, которая отделяет Зверскую Ферму от Фоксвуда. За изгородью стоял кто-то из работников мистера Пилькингтона. Я почти уверена, хотя и была далеко, что он что-то сказал тебе и даже гладил тебя! Что все это значит, Молли?

- Нет! Не было этого! Это все неправда! - заржала Молли, вскидываясь на дыбы и колотя по земле копытами.

- Посмотри мне в глаза, Молли! Дай мне честное слово, что он тебя не гладил!

- Это неправда, - твердила Молли, но не смогла посмотреть Кашке в глаза, а еще через минуту сорвалась с места и умчалась на пастбище.

Неожиданная догадка сразила Кашку. Не говоря никому ни слова, она пошла в стойло Молли и копытом разрыла там солому. Под соломой было запрятано несколько пучков разноцветных лент и маленькая кучка пиленого сахара.

Через три дня Молли исчезла. Несколько недель никто ничего не знал о месте ее пребывания, но потом голуби донесли, что ее видели на другом конце Виллингтона. Она стояла возле трактора, запряженная в нарядный, раскрашенный в красно-черные цвета экипаж. Жирный красномордый человек в клетчатых бриджах и гетрах, похожий на трактирщика, поглаживал ей морду и кормил сахаром. В ее подстриженную челку

была вплетена алая ленточка. Похоже, что она была очень довольна собой, сказали голуби. Никто из животных больше никогда не упоминал ее имени.

Январь выдался очень суровый. Земля звенела от мороза как сталь и на полях делать было нечего. Совет на большом гумне собирался чаще, чем обычно. Свиньи занялись планированием работ на следующий сельскохозяйственный сезон. Все уже принимали как должное, что свиньи, как самые смелые на ферме, разрабатывают все вопросы хозяйственной политики, хотя решения их обязательно утверждаются большинством голосов на Совете. Этот порядок в общем полностью оправдывал бы себя, если бы не раздоры между Снежком и Наполеоном. Они не могли прийти к согласию ни по одному вопросу. Если один из них предлагал как можно больше земли отводить под ячмень, то другой непременно требовал сажать главным образом овес, и если один говорил, что такие-то и такие-то поля очень хороши под капусту, то другой сразу же начинал утверждать, что они годятся только под корнеплоды. У каждого были свои сторонники, и Совет становился ареной нескончаемых споров.

Блистательные выступления с трибуны часто приносили Снежку большинство на Совете, но Наполеон отыгрывался в промежутках между Советами, успешно склоняя животных на свою сторону. Особенно большой популярностью он пользовался среди овец. В последнее время они принимались блеять "Четыре хорошо, два - плохо" к месту и не к месту, из-за чего Советы даже приходилось прерывать. Нетрудно было заметить, что особенно часто они вспоминали об этом лозунге в наиболее ответственные моменты выступлений Снежка.

Снежок обнаружил в доме несколько старых номеров журнала "Земледелец и животновод", тщательно изучил их и преисполнился стремлением ко всякого рода нововведениям и преобразованиям. Он учено толковал о дренажных канавах, силосе и зольных удобрениях и с целью повышения плодородия полей выработал для каждого животного сложный план непосредственного внесения навоза в почву, чтобы не тратить усилий на его перевозку, причем каждый день следовало удобрять новый заранее определенный участок. Наполеон собственных планов не разрабатывал, но уверенно говорил, что проекты Снежка гроша ломаного не стоят, и, казалось, чего-то выжидал. Самая ожесточенная дискуссия разразилась у них по поводу ветряной мельницы.

На обширном выгоне неподалеку от усадьбы возвышался небольшая холм самое высокое место на территории фермы. Изучив состав почв, Снежок объявил, что именно здесь следует построить ветряную мельницу, которая приведет в движение динамо-машину и снабдит всю ферму электроэнергией. Эта мельница, по словам Снежка, осветит и отопит зимой все сараи и стойла, будет приводить в действие циркулярную пилу, соломорезку, свеклорезку и электродоилку. Животные никогда в жизни не слышали таких слов. Ферму мистера Джонса справедливо считали отсталой, механизация на ней была в самом зачаточном состоянии. Животные слушали Снежка с изумлением, а он вызывал в их воображении вереницы фантастических машин, которые будут выполнять тяжелые работы, в то время как сами они будут пастись в свое удовольствие на полях, либо совершенствовать свои познания чтением книг или беседами.

Подробные чертежи мельницы Снежок разработал за несколько недель. Конструкции металлических деталей были заимствованы главным образом из трех книг, принадлежавших ранее мистеру Джонсу: "Тысяча полезных дел для дома", "Каждый сам себе каменщик" и "Электричество для начинающих". В качестве кабинета для своих занятий Снежок избрал сарай, в котором раньше стоял инкубатор, где был гладкий деревянный пол, очень удобный для черчения. Там он торчал целыми днями. Чтобы

книги не закрывались, Снежок укладывал камни на страницах, а сам, зажав ножкой кусок мела, бегал по сараю взад и вперед, чертя линию за линией и слегка повизгивая от возбуждения. Постепенно эти линии превратились в сложное нагромождение кривошипов и зубчатых валов, и покрыли больше половины пола. Остальные животные находили, что хотя это и непонятно, но впечатляет. По меньшей мере раз в неделю они являлись взглянуть на рисунки Снежка. Заглядывали даже утки и куры, изо всех сил стараясь не наступить на проведенные мелом линии.

Один Наполеон оставался равнодушным. Он объявил себя противником мельницы с самого начала. Правда, однажды и он вдруг пришел ознакомиться с трудами Снежка. С важным видом Наполеон обошел весь сарай, внимательно осмотрел все детали чертежей и рисунков, понюхал их раз или два, немного постоял, скосив глаза и как бы охватывая чертежи в целом, а потом приподнял ножку, помочился на чертежи и вышел, не проронив ни слова.

Вопрос о мельнице глубоко расколол всю ферму. Снежок не скрывал, что построить ее будет совсем не просто. Предстояло добыть камень из карьера, возвести стены, сделать крылья. Нужно будет, кроме того, где-то добыть динамо-машину и кабель. Снежок не говорил, откуда все это возьмется, но утверждал, что построить мельницу можно будет за год. А после этого, заявлял он, - мельница позволит нам экономить столько труда, что мы будем работать всего три дня в неделю.

Наполеон, со своей стороны, настаивал, что важнейшая задача текущего момента - это выполнение продовольственной программы и что если они будут тратить время на мельницу вместо увеличения производства продуктов питания, то все они просто вымрут от голода. Все животные поделились на две фракции: одна выступала под лозунгом "За Снежка и трехдневную рабочую неделю!", другая - "За Наполеона и полную кормушку!".

Только Бенджамин не примкнул ни к той, ни к другой фракции. Он не верил ни в продовольственное изобилие, ни в трехдневную рабочую неделю. "С мельницей или без мельницы, а жить будем как жили, то есть хреновато", говорил он.

Почти столько же споров вызывали вопросы обороны. Все прекрасно понимали, что хотя двуногих и разбили в Битве при Коровнике, они не оставили своих намерений и от них следует ждать другой, более решительной попытки отвоевать ферму и восстановить власть мистера Джонса, тем более что весть об этом поражении людей распространилась по всей округе, будоражила домашнюю скотину и вселяла в нее непокорность.

Как обычно, Снежок и Наполеон никак не могли сойтись во взглядах. Согласно Наполеону, животным следовало запастись огнестрельное оружие и учиться его применению на практике. Согласно Снежку, они должны были снаряжать как можно больше голубей для революционной агитации на других фермах. Один настаивал, что если они не научатся защищать себя, их завоюют, другой же утверждал, что если Восстание победит повсеместно, то необходимость обороняться отпадет сама собой. Сначала животные выслушивали Наполеона, потом Снежка и никак не могли понять, кто же все-таки прав. Сказать по правде, они обычно соглашались с тем из них, кто в данный момент хрюкал речь.

Наконец, наступил день, когда Снежок дорисовал свои чертежи, и на ближайшем воскресном Совете вопрос о строительстве мельницы был поставлен на голосование. Когда все собрались на большом гумне, Снежок встал и, хотя овечьё бляенье то и дело прерывало его рассуждения, прохрюкал свои доводы в пользу строительства

ветряной мельницы.

Потом вышел Наполеон. Сохраняя полное спокойствие, он хрюкнул, что мельница - это просто бред, он голосовать за нее никому не советует, и снова сел. Его выступление длилось едва ли тридцать секунд, и, можно было подумать, что результат ему совершенно безразличен.

Тут Снежок вновь вскочил с места и, резким окриком утихомирив овец, которые было опять разблеялись, разразился пламенной тирадой в защиту мельницы. До сих пор животные почти поровну делились в своих симпатиях, но красноречие Снежка в эту минуту увлекло почти всех. Он яркими красками описал, во что превратится Зверская Ферма, когда животные освободятся от черной работы.

- Электричество, - кричал он, - приведет в движение молотилки, плуги, бороны, косилки, жатвенные машины с сноповязалками, не говоря уж о том, что в каждом стойле, каждом хлеву, каждом коровнике и каждом птичнике будет свое собственное электрическое освещение, отопление, а также холодная и горячая вода!

Когда он закончил, исход предстоящего голосования не вызывал никаких сомнений. Но как раз в эту минуту Наполеон вскочил и, бросив косой взгляд на Снежка, вдруг взвизгнул каким-то не своим, очень высоким голосом.

В ответ откуда-то послышался жуткий лай и девять огромных псов в ошейниках, обитых медью, вприпрыжку влетели на гумно. Лязгая клыками, они стрелой ринулись прямо на Снежка, который едва успел соскочить со своего места. Через минуту он был уже за воротами, а псы мчались за ним. Пораженные и испуганные, не в силах вымолвить ни слова, животные покинули гумно и, следя за погоней, столпились за его воротами.

Снежок мчался по длинному лугу, примыкавшему к дороге. Он бежал со всех ног, но псы гнались за ним по пятам. Один раз Снежок поскользнулся и показалось, будто сейчас его схватят, но он вскочил и понесся с удвоенной скоростью. Псы, однако, опять стали настигать его. Один из них цапнул было Снежка за хвостик, но Снежок дернулся, сделал еще один рывок и, опередив собак всего на несколько дюймов, проскользнул через дырку в живой изгороди и исчез.

Испуганные и притихшие, животные вернулись на гумно. Псы прискакали через минуту. В первые мгновения погони никто не мог сообразить, откуда взялись эти бестии, но теперь животных осенила догадка: это были те самые щенки, которых растил Наполеон. Хотя они были еще не вполне взрослыми, но уже превратились в огромных, свирепых как волки, псов. Они жались к Наполеону. Все заметили, что они научились вилять перед ним хвостом, как другие собаки делали это перед мистером Джонсом.

В сопровождении псов, не отступавших от него ни на шаг, Наполеон поднялся на помост, с которого Майор некогда произнес свою историческую речь, и выступил с коротким объявлением.

- Отныне, - прохрюкал он, - утренние Советы по воскресеньям отменяются. В них нет никакой нужды, это пустая трата времени. Впредь все вопросы, относящиеся к работе фермы, будет решаться специальным комитетом свиней под его собственным, Наполеона, председательством. Комитет свиней будет заседать при закрытых дверях, а потом объявлять о своих решениях. По воскресеньям утром звери будут по-прежнему собираться - для того, чтобы салютовать знамени, петь "Всех животных

Британии" и получать задания на предстоящую неделю, но никаких дебатов отныне не будет.

Хотя животные были потрясены и напуганы изгнанием Снежка, они встретили это объявление с неудовольствием. Сумей они найти подходящие слова, они бы, пожалуй, запротестовали. Даже Боксер ощутил смутное беспокойство. Он пошевелил ушами, потряхнул несколько раз гривой, усиленно стараясь привести свои мысли в порядок, но так и не смог придумать ничего путного.

Однако среди самих свиней не все утратили способность владеть членораздельной речью. Четыре молоденьких борова в первом ряду издали несколько пронзительных визгов - в знак своего неодобрения - и, вскочив на ноги, захрюкали все четверо одновременно. Но псы, сидевшие вокруг Наполеона, угрожающе зарычали, и свиньи смолкли и сели. Тут овцы разразились громким блеянием "Четыре - хорошо...", которое продлилось около четверти часа и сделало невозможным продолжение дискуссии.

Когда все разошлись, разъяснить новые порядки опять послали Визгуна.

- Товарищи звери, - хрюкал он, - я уверен, что все правильно поняли ту жертву, которую принес товарищ Наполеон, взяв на себя эту нелегкую работу. Не думайте, товарищи, что быть Вождем очень приятно. Напротив, эта высокая и тяжелая ответственность. Наполеон более чем кто-либо верен принципу "Все звери равны". И он был бы только счастлив позволить вам самим принимать ответственные решения. Но вдруг вы однажды примете неверное решение, товарищи, и что тогда? Предположим, вы бы последовали за Снежком и его маниакальной идеей ветряной мельницы, за Снежком, который, как теперь выяснилось, был обыкновенным преступником?

- Он храбро сражался в Битве при Коровнике, - возразил кто-то.

- Храбрость - это еще не все, - парировал возражение Визгун. - На нынешнем этапе важнее верность и повиновение. А что касается Битвы при Коровнике, то я думаю, придет время, и мы убедимся, что роль Снежка в этой битве преувеличивалась. Дисциплина, товарищи, же-лез-на-я дисциплина! Вот главный лозунг наших дней. Один неверный шаг - и враги нас одолеют. Ведь вы, товарищи, не хотите возвращения Джонса?

И опять этот довод подействовал неотразимо. Разумеется, никто не хотел возвращения фермера Джонса, и если прения и споры на утренних Советах по воскресеньям могли к этому привести, значит, эти споры следует принести в жертву. Боксер, который к этому времени успел обдумать случившееся, выразил общее мнения словами: "Если товарищ Наполеон так считает, значит, так оно и есть". С тех пор афоризм "Наполеон всегда прав" Боксер сделал дополнением к своему личному девизу "Я буду работать еще упорней".

Тем временем погода разгулялась, и животные смогли приступить к весенней пахоте. Сарай, где Снежок работал над своими чертежами, был заперт на замок и, как полагали животные, с пола они были стерты. Каждое воскресенье в 10 часов утра животные собирались теперь на гумне для того, чтобы выслушать приказания на предстоящую неделю. В саду откопали череп старого Майора, уже очистившийся от плоти, и установили его на столбике у подножия флагштока, рядом с ружьем. Теперь после подъема флага животные должны были рядами и колоннами в благоговении шествовать мимо черепа и только после этого входили на гумно. На гумне они уже

не сидели все вместе. Наполеон, Визгун и еще одна свинья по кличке Минимус, обладавшая замечательным даром стихосложения и сочинения песен, сидели в первом ряду на помосте вместе с девятью молодыми псами, которые полукругом охватывали их с тыла, а остальные свиньи располагались позади псов. Все прочие животные садились в основной части гумна лицом к свиньям и собакам. Наполеон оглашал свои приказания на неделю по-военному кратко. После этого, хором исполнив "Всех животных Британии", животные расходились.

На третье воскресенье после изгнания Снежка обитатели фермы были до некоторой степени удивлены, услышав объявление Наполеона о том, что мельница все-таки будет построена. Он ничего не сказал о причинах, которые заставили его передумать, и только предупредил, что эта сверхурочная работа будет нелегкой и что, возможно, придется упорядочить продовольственные нормы. Все планы, однако, были уже готовы вплоть до последней детали. Специальный комитет свиней разрабатывал их целых три недели. Предполагалось, что строительство мельницы вместе с разными другими усовершенствованиями займет два года.

В тот же вечер Визгун в неофициальном порядке объяснил животным, что Наполеон никогда, в сущности, не был противником мельницы. Наоборот, именно Наполеон первым выдвинул эту идею, да и чертежи, которые Снежок чертил на полу сарая-инкубатора, на самом деле были выкрадены из бумаг Наполеона. В действительности же ветряную мельницу изобрел Наполеон.

- Почему тогда, - спросил кто-то Визгуна, - он так резко выступал против нее?

Тут Визгун напустил на себя очень лукавый вид.

- Это, - говорил он, - была военная хитрость товарища Наполеона. Он только делал вид, что выступает против мельницы, маневрируя с целью устранить Снежка, который был опасной личностью и оказывал дурное влияние. Теперь, когда Снежок ушел с дороги, этот план можно осуществить без помех. Это, - говорил Визгун, - называется тактикой.

- Тактика, товарищи! Тактика! - хрюкнул он несколько раз с веселым смешком, припрыгивая и дергая хвостиком.

Животные не поняли в точности, что значит это слово, но Визгун хрюкал так решительно, а три пса, которые его сопровождали, рычали так свирепо, что они приняли все объяснения без дальнейших расспросов.

Глава шестая

Весь этот год животные работали как проклятые. Но своими трудами они были довольны. Никакие тяготы не казались им напрасными: они хорошо знали, что трудятся на себя и себе подобных, на благо своих потомков, а не на шайку праздных двуногих грабителей.

В течение всей весны и всего лета они работали по шестьдесят часов в неделю, а в августе Наполеон объявил, что отныне вводятся еще и послеобеденные работы по воскресеньям. Эти сверхурочные работы были сугубо добровольными, но кормовая пайка тех, кто на них не ходил, сокращалась наполовину. Но даже после этого от части планов пришлось отказаться. Урожай был меньше, чем в прошлом году, а два поля, которые предполагалось занять под корнеплоды, к лету так и не были засеяны, потому что вспашка не была закончена вовремя. Нетрудно было предвидеть,

что зима предстоит трудная.

Мельница рождала одну неожиданную трудность за другой. На ферме имелся прекрасный карьер, где добывался известняк, в одном из сараев нашлись изрядные запасы песка и цемента, так что все строительные материалы были под рукой. Но была задача, которая сначала никак не поддавалась разрешению: как расколоть каменные глыбы на куски подходящего размера. Казалось, что нет другого пути, кроме как колоть их киркой и ломом, а никто из животных не был в состоянии удержать эти инструменты. Для этого нужно было твердо стоять на задних лапах. Только после недели тщетных усилий кому-то пришла в голову счастливая мысль: использовать закон тяготения.

Огромные валуны, слишком большие, чтобы их можно было пустить в дело, валялись по всему карьере. Животные обвязывали их веревками, а потом все вместе - коровы, лошади, овцы - все, кто мог тянуть веревку (иногда в самые решительные моменты присоединялись и свиньи), очень медленно втаскивали их по склону карьера наверх, а там сталкивали с откоса, чтобы, падая, они сами разбивались внизу на части. Перевозка битого камня была уже делом сравнительно простым. Лошади доставляли камень на телегах, овцы катали отдельные куски, даже Мюриель и Бенджамин впрягались в старую двуколку с сиденьями по бокам и тем вносили свою лепту в общие усилия. К концу лета насобирали нужный запас камня и тогда началось, под руководством свиней, строительство.

Но это был процесс медленный и трудоемкий. Изнурительные усилия по подъему одного-единственного валуна наверх карьера часто занимали целый день, а когда его сталкивали вниз, он мог иногда не разбиться. Без Боксера ничего было бы нельзя достигнуть. Казалось, что у него сил больше, чем у всех остальных животных, вместе взятых. Когда валун, который затаскивали наверх, вдруг начинал скользить обратно, и все вопили от отчаяния, видя, что их тащит вниз по склону, - именно Боксер вступал в напряженную борьбу с веревкой и останавливал скольжение.

Животные восторгались, видя, как он поднимается вверх по склону, пядь за пядью, с натугой, как его дыхание учащается, а крутые бока покрываются потом. Кашка иногда просила его быть поосторожнее, но Боксер ее не слушался. У него было два ответа на все - слова "Я буду работать еще упорнее" и "Наполеон всегда прав". Он попросил петуха, чтобы тот будил его по утрам не на полчаса, как прежде, а на три четверти часа раньше остальных. А в свободные минуты, которых теперь было немного, он отправлялся в карьер один, собирал битый камень и без чьей-либо помощи возил его к будущей мельнице.

Несмотря на многочисленные тяготы, этим летом на ферме жилось не так уж и плохо. Если еды у них и не прибавилось по сравнению с временами мистера Джонса, то по крайней мере и не убавилось. Одно то, что они должны были кормить только самих себя и не были обязаны содержать еще и пятерых прожорливых двуногих нахлебников, было немалым преимуществом, которое перевешивало многие неудачи. Методы труда животных во многих случаях были эффективнее и экономичнее. Например, такую работу, как прополку полей от сорняков, можно было сделать с тщательностью, людям недоступной.

И опять же, поскольку животные теперь не травили посевы, отпала необходимость отгораживать пахотные земли от пастбищ и все время возобновлять живые изгороди и проходы в них. Это давало немалую экономию труда.

Тем не менее, уже в течение этого лета обнаружилось и дали о себе знать многие

непредвиденные трудности. Не хватало керосина, гвоздей, веревок, собачьих сухарей, железа для подков - самим произвести все это на ферме было невозможно. А в будущем предстояло столкнуться с недостатком семян и искусственных удобрений, не говоря уж о различных инструментах и оборудовании для мельницы. Откуда все это возьмется, никто не мог себе даже представить.

Однажды в воскресенье утром, когда животные собрались для получения приказаний на следующую неделю, Наполеон объявил, что переходит к новой политике. С этого дня Зверская Ферма завяжет торговые отношения с соседними фермами - разумеется, не ради коммерческой выгоды, а единственно для того, чтобы обеспечить себя самыми необходимыми вещами. "Потребности мельницы должны быть поставлены во главу угла", - сказал он. Поэтому он, Наполеон, ведет сейчас переговоры о продаже стога сена и части урожая пшеницы текущего года, ну, а если денег все-таки не хватит, то придется заработать их продажей яиц, на которые всегда есть спрос в Виллингдоне. "Куры, - сказал Наполеон, - должны поддержать эту жертву, как свой личный вклад в строительство мельницы".

Снова животные ощутили смутное беспокойство. Разве среди прежних постановлений, принятых сразу после изгнания Джонса на первом, триумфальном Совете, не было решения никогда не заключать сделок с людьми, никогда не заниматься торговлей, никогда не прикасаться к деньгам? Все животные помнили, как принимали эти постановления, или, по крайней мере, им казалось, что они помнят. Четыре юных борова, те самые, что протестовали, когда Наполеон упразднил Советы, робко подняли голос, но тут же и смолкли, услышав угрожающее рычание псов. Овцы, как обычно, заблеяли: "Четыре хорошо, два - плохо", и минутное замешательство сгладилось.

В заключение Наполеон простер ножку вверх, призывая к молчанию, и объявил, что он уже обо всем распорядился. Животным не придется вступать в непосредственный контакт с двуногими. Эту неприятную обязанность он целиком берет на себя. Стряпчий из Виллингдона мистер Вимпер согласился выступать в качестве посредника между Зверской Фермой и внешним миром. Каждый понедельник он будет в утренние часы посещать ферму для получения инструкций. Наполеон закончил свое выступление обычным призывом "Да здравствует Зверская Ферма!", после чего, спев "Животных Британии", все разошлись.

В тот же день Визгун обошел всю ферму и навел должный порядок в мыслях и чувствах животных. Он заверил их, что постановление против денег и торговли не только никогда не принималось, но даже и не выносилось на обсуждение. Это чистейшей воды измышление, возможно, восходящее в своих истоках к лживым инсинуациям Снежка. У некоторых животных были все-таки неясные сомнения, но Визгун жестко спросил у них: "А вы уверены, товарищи, что это вам не приснилось? У вас что - есть протоколы того Совета? Это постановление было где-нибудь записано?" И так как то, что никаких записей о постановлении у них не сохранилось, была истинная правда, животные поняли, что ошибались.

Мистер Вимпер, как было уговорено, посещал ферму каждый понедельник. Это был плутоватый на вид субъект невысокого роста с бакенбардами - мелкий делец с некоторыми юридическими познаниями, раньше других сообразивший, что Зверской Ферме понадобится посредник и что на этом можно неплохо подзаработать. Животные относились к Вимперу с подозрением и опаской и, насколько это было возможно, обходили его стороной. И все-таки, когда они видели, как их четвероногий собрат Наполеон отдает приказания двуногому Вимперу, это зрелище возбуждало в них горделивое чувство и отчасти примиряло с этим новшеством.

Их отношения с человеческим родом несколько изменились. Теперь, когда Зверская Ферма процветала, двуногие ненавидели ее ничуть не меньше, а скорее даже больше. Люди свято верили в то, что ферма рано или поздно обанкротится, а из затеи с мельницей просто ничего не выйдет. Встречаясь в пивных, они при помощи диаграмм доказывали друг другу, что стены мельницы неизбежно должны рухнуть, а если даже и устоят, то все равно крылья мельницы никогда не будут крутиться.

И все же они невольно стали относиться с некоторым уважением к умению животных управлять своими делами. Во всяком случае, они признали новое название фермы и перестали поддерживать Джонса, который оставил надежду вернуть себе ферму, покинул Виллингдон и переселился на другой конец страны. Между Зверской Фермой и внешним миром не было никаких других контактов, кроме тех, которые поддерживались через Вимпера, но все время возникали слухи, что Наполеон собирается заключить какое-то торговое соглашение: то с мистером Пилькингтоном из Фоксвуда, то с мистером Фредериком из Пинчфильда. И что любопытно, никогда с обоими одновременно.

Примерно в это же время свиньи вдруг перебрались в дом фермера. Животным снова показалось, что они помнят какое-то давнее постановление против этого, но Визгун опять сумел переубедить их.

- Совершенно необходимо, - хрюкал он, - чтобы свиньи - ум, честь и совесть нашей фермы, имели спокойное место для работы. И достоинству Вождя (а в последнее время, говоря о Наполеоне, он стал употреблять слово "Вождь") более подобает жить в доме, чем в свинарнике.

Кое-кто был все-таки обеспокоен, когда пронесся слух, что свиньи не только готовят себе пищу на кухне и превратили гостиную в комнату отдыха, но к тому же еще и спят на кроватях. Боксер, как обычно, сказал, что "Наполеон всегда прав", но Кашка, которой показалось, будто она помнит четкое и ясное законоположение против кроватей, отправилась к гумну и попыталась разобраться, что же там написано об этом в Семи Заповедях. Убедившись в своей неспособности понять что-нибудь, кроме отдельных букв, она позвала Мюриель.

- Мюриель, - попросила она, - прочти мне Четвертую Заповедь. Не запрещает ли она спать в кровати?

Хотя и не без затруднений, коза прочитала заповедь вслух:

- Там сказано: "Зверь да не спит в кровати НА ПРОСТЫНЯХ", - проблеяла она наконец.

Странно, но Кашка не помнила, чтобы в Четвертой заповеди упоминались простыни. Но раз уж так было написано на стене, сомневаться не приходилось. Случайно проходивший мимо Визгун, сопровождаемый двумя или тремя псами, тут же все надлежащим образом разъяснил.

- Вы, товарищи, уже слышали, что мы спим на кроватях? - спросил он. - А почему бы и нет? Ведь вы же не думаете, что это запрещено? Слово "кровать" означает, собственно, "место, где спят". Строго говоря, груда соломы - это тоже кровать. Закон запрещает спать на простыне, которая действительно является вредной людской выдумкой. Мы убрали все простыни с кроватей и спим на одеялах. Да, это удобно. Но могу вам сказать, товарищи, не удобнее, чем мы того заслуживаем! Ибо

сколько трудов и забот ложится на наши плечи! А ведь и нам надо иногда отдохнуть! Ведь вы же не хотите, чтобы мы надорвались на работе и уже не могли больше выполнять свои обязанности? Ведь никто из вас не хочет, чтобы Джонс вернулся?

Животные тут же заверили его в обратном, и толки о спящих в кроватях свиньях прекратились. А когда через несколько дней Визгун объявил, что свиньи отныне по утрам будут вставать на час позже других зверей, то жалоб и недовольства по этому поводу не возникло.

К осени животные буквально падали от усталости, но были довольны собой. Год выдался тяжелый, и запасы пищи на зиму - после продажи части урожая зерна и сена - не были слишком обильны, но мельница искупала все. Она была возведена уже наполовину. После жатвы случилось несколько сухих и ясных деньков, и животные налегли в эти дни на работу еще усерднее, чем раньше. Они полагали, что есть смысл потратить больше сил на добычу камня, лишь бы поднять стены мельницы еще на один фут. Боксер даже вставал по ночам, чтобы в одиночестве часок-другой поработать при свете полной осенней луны.

В свободные минуты животные прохаживались вокруг наполовину отстроенной мельницы, восхищаясь мощью и прямизной ее стен и поражаясь, как это им все удалось. Только старый Бенджамин не выражал никакого энтузиазма насчет мельницы, хотя по обыкновению помалкивал. Он только загадочно бурчал, что "ослы живут долго", и большего от него невозможно было добиться.

В ноябре задули яростные юго-западные ветры. Строительство пришлось остановить, потому что дожди не давали замешивать цементный раствор. Однажды ночью случился такой страшный ураган, что все постройки фермы заходили ходуном, а с крыши амбара посыпалась черепица. Тревожно кудахтая, в страхе проснулись куры, потому что им всем одновременно приснился отдаленный ружейный выстрел. Утром животные вышли из стойл и сараев и увидели, что флагшток сломан, а в нижнем конце сада валяется вяз, вырванный, как редиска, с корнем. Но то, что они увидели вслед за этим, вызвало общий вопль отчаяния. Ужасное зрелище предстало пред их глазами: мельница лежала в развалинах!

Животные устремились туда все как один. Наполеон, который вообще-то бегал редко, на этот раз сам скакал впереди всех. Да, мельница рухнула до основания, а камни, которые они разбивали и перетаскивали с таким трудом, были разбросаны вокруг. Не в силах произнести ни слова, они стояли, скорбно глядя на груды упавших камней. Наполеон в молчании расхаживал взад и вперед, время от времени приносясь к земле. Хвостик его стоял торчком, судорожно подрагивая из стороны в сторону, что у него всегда было признаком напряженной умственной деятельности. Вдруг он резко остановился, как будто придя к какому-то решению.

- Товарищи, - начал он негромко, - знаете ли вы, кто виноват в этом? Кто этот враг, проникший сюда под покровом темноты и уничтоживший нашу мельницу? СНЕЖОК!!! - Он вдруг перешел на крик, и в голосе его зазвучала угроза, - Снежок сделал это! Этот злобный предатель, думая нарушить наши планы и отомстить за свое позорное изгнание, проник сюда под покровом ночи и уничтожил плоды наших самоотверженных трудов! Товарищи! На этом самом месте я выношу смертный приговор Снежку! Звание "Зверь-Герой" второй степени и ведро яблок тому из вас, кто свершит над ним справедливый суд! Два ведра тому зверю, кто захватит его живым!

Животные были невероятно потрясены, узнав, что это Снежок - виновник столь

ужасного злодеяния. Такого никто не ожидал даже от Снежка. Раздались крики возмущения, и все вслух стали изобретать свои способы поимки Снежка, если он когда-нибудь опять попытается вернуться. Почти сразу же на небольшом расстоянии от холма нашли в траве следы какой-то свиньи. Они прослеживались всего лишь на протяжении нескольких ярдов, но вели по направлению к дыре в живой изгороди. Наполеон глубоко внюхался в них и подтвердил, что это следы Снежка. По мнению Наполеона, Снежок скорее всего пришел со стороны фермы Фоксвуд.

- Медлить нельзя, товарищи! - сказал Наполеон, изучив следы преступника. - У нас много работы! Мы приступим к восстановлению мельницы сегодня же утром и будем строить ее всю зиму, не пропуская ни единого дня, невзирая на погоду. Мы покажем этому презренному предателю, что ему не удастся так легко погубить наш труд. Помните, товарищи, ни шага в сторону! Мельница будет сдана в запланированный срок! Вперед, товарищи, к победе Зверизма! Да здравствует мельница! Да здравствует Зверская Ферма!

Глава седьмая

Зима выдалась суровая. За штормовыми ветрами последовал мокрый снег с дождем и градом, а потом грянули холода, которые свирепствовали до середины февраля. Восстанавливая мельницу, животные старались изо всех сил, прекрасно понимая, что внешний мир следит за ними, и как завистливые двуногие будут радоваться и торжествовать, если они не возведут мельницу в срок.

Злобствуя, двуногие делали вид, что они не верят в виновность Снежка. Они утверждали, что Снежок тут совершенно не при чем, а виной всему, дескать, просто тонкие стены мельницы. Животные, конечно, понимали, что это неправда. И все-таки на этот раз было решено класть стены в три фута толщиной, а не восемнадцати дюймов, как раньше, а это значило, что камней теперь потребуется вдвое больше. Карьер долгое время был занесен снегом, и с этим ничего нельзя было поделать.

Дело несколько продвинулось в пору наступивших вскоре сухих морозов, но это был адский труд, а надежды уже не согревали их так, как в первый раз. Они мерзли и редко бывали сыты. Только Боксер и Кашка никогда не падали духом. Визгун произносил зажигательные речи о радости служения и о трудовых доблестях, но животных больше воодушевлял Боксер со своим вечным девизом: "Я буду работать еще упорней!"

В январе еды стало еще меньше. Зерновую пайку сильно сократили, а взамен были обещаны дополнительные выдачи картошки. Но тут оказалось, что почти весь урожай картофеля померз в буртах, прикрытых слишком тонким слоем земли и соломы. Картофель размяк, почернел, и только малая часть его была съедобна.

В эти дни животным целыми днями ничего, кроме кормовой свеклы и мякины, не выдавали. Казалось, что на пороге стоит голодная смерть. Было жизненно необходимо скрыть этот факт от внешнего мира. Ободренные разрушением мельницы, двуногие и так распространяли лживые выдумки о Зверской Ферме. Они вновь стали утверждать, что животные там вымирают от голода и болезней, все время ведут междоусобную борьбу и даже докатились до поедания друг друга и истребления новорожденных.

Наполеон хорошо предвидел все дурные последствия утечки информации о действительном положении с продуктами и, чтобы создать обратное впечатление, решил использовать мистера Вимпера. До сих пор животные почти не общались с

Вимпером во время его еженедельных визитов, а теперь несколько специально подобранных животных, в основном овец, получили задание упоминать в его присутствии, как бы случайно, что пайка недавно опять увеличилась. Кроме того, Наполеон велел почти до краев наполнить песком опустевшие закрома в амбаре, а сверху этот песок присыпали остатками зерна и муки. Используя какой-то подходящий предлог, Вимпера провели через склад, позволив одним глазом заглянуть в закрома. Вимпер был введен в заблуждение и продолжал уверять внешний мир, что продовольствия на Зверской Ферме сколько угодно.

И все-таки к концу января стало ясно, что зерно необходимо где-то доставать. В эти дни Наполеон редко появлялся на публике и большую часть своего времени проводил в доме, где его оберегали девять свирепых псов, стороживших каждую дверь. Его редкие выходы обставлялись торжественно: шесть псов окружали его плотным кольцом и рычали, если кто-нибудь подходил слишком близко. Бывало, что он вообще не показывался утром в воскресенье, и тогда его распоряжения передавались через других свиней, чаще всего через Визгуна.

Однажды в воскресенье утром Визгун объявил, что куры, которые только что стали снова нестись, должны будут сдать свои яйца, потому что Наполеон заключил через Вимпера контракт на поставку четырех сотен яиц в неделю. Денег, которые будут выручены за яйца, должно было хватить на зерно и муку, чтобы дотянуть до следующего урожая.

Услышав об этом, куры страшно раскудахтались. Конечно, им намекали и раньше, что такая жертва, может быть, от них потребуется, но им в это не хотелось верить. Они только что собрались высидеть весенних цыплят и теперь запротестовали, утверждая, что продажа яиц равна детоубийству. Впервые со времен изгнания Джонса произошло нечто вроде мятежа. Под предводительством трех черных минорок куры-несушки предприняли явную попытку расстроить планы Наполеона. Они выбрали такой способ сопротивления: взлетели на насесты и неслись оттуда прямо на пол, где яйца, естественно, разбивались.

Наполеон действовал быстро и беспощадно. Распорядившись прекратить выдачу курам кормов, он постановил, что любое животное, которое поделится с ними хоть зернышком, подлежит смертной казни. Псы следили за тем, чтобы этот декрет неукоснительно соблюдался. Куры продержались пять дней, а потом сдались и вернулись к своим ящикам для яиц. Девять несушек за это время передохли. Их тушки сожгли в саду, а причиной смерти была объявлена куриная слепота. Вимпер об этом инциденте даже не узнал. Яйца поставлялись, как было условлено, и фургон бакалейщика заезжал за ними каждую неделю.

Все это время о Снежке не было ни слуху, ни духу. Поговаривали, что он скрывается на одной из соседних ферм - то ли в Фоксвуде, то ли в Пинчфильде. Отношения Наполеона с соседями теперь несколько наладились. Во дворе фермы лежала куча бревен, сложенных там еще лет десять тому назад после расчистки буковой рощи. За это время бревна хорошо высохли, и Вимпер посоветовал Наполеону продать их. И мистер Пилькингтон, и мистер Фредерик были бы не прочь совершить эту покупку. Наполеон колебался и все не мог решить, кого же из них предпочесть. Замечали, что когда он склонялся к мысли заключить контракт с Фредериком, Визгун утверждал, что Снежок скрывается в Фоксвуде, а когда казалось, что Наполеон предпочитает Пилькингтона, о Снежке говорилось, что он обосновался в Пинчфильде.

В начале весны вдруг обнаружилось, что Снежок посещает ферму по ночам. Это известие ошеломило животных. Они так переполошились, что с трудом засыпали в

своих сараях. Рассказывали, что Снежок пробирается на ферму под покровом темноты каждую ночь и творит всяческие безобразия. Он крал зерно, переворачивал ведра с молоком, бил яйца, вытапывал посеы, обдирал клыками кору плодовых деревьев. Что бы ни стряслось - во всем винили Снежка. Разбивалось ли окно, запруживались ли канава - кто-нибудь обязательно говорил, что это вредительство Снежка. Поэтому когда потерялся ключ от продовольственного склада, то вся ферма была в полной уверенности, что Снежок забросил его в колодец. Странно, но они продолжали верить в это, даже когда потерянный ключ нашелся под мешком из-под муки. Коровы в один голос мычали, что Снежок забирается к ним в коровник и доит их во сне. Поговаривали, что даже крысы, совершенно обнаглевшие этой зимой, вступили в сговор со Снежком.

Наполеон приказал провести тщательное расследование злодеяний предателя. В сопровождении своих псов он устроил инспекционный обход всей фермы. Все остальные животные следовали за ним на почтительном расстоянии. Наполеон останавливался через каждые несколько шагов и нюхал землю в поисках следов Снежка. По его словам, он узнавал их по запаху. Он перенюхал каждый угол в гумне, в коровнике, курятнике, огороде и почти везде обнаружил следы Снежка. Он тыкал рылом в землю, делал несколько глубоких вдохов и восклицал зловещим голосом:

- Снежок! Он был здесь! Я чую этот изменнический дух!

При слове "Снежок" псы скалили свои клыки и рычали так, что кровь стыла в жилах.

Животные были запуганы до смерти. Им казалось, что Снежок стал какой-то невидимой силой, которая витала в воздухе, угрожая им всеми возможными бедами.

Вечером Визгун собрал всех обитателей фермы и, встревоженно морща рыло, сказал им, что у него есть важные новости.

- Товарищи! - заверещал Визгун, нервно подпрыгивая. - Товарищи! Открылась ужасная вещь! Снежок проданся Фредерику из Пинчфильда, который как раз сейчас замышляет напасть на нас и отнять у нас нашу ферму. Снежок будет у Фредерика проводником. Хуже того. Ранее мы полагали, что мятеж Снежка был следствием его самолюбия и тщеславия. Мы ошибались, товарищи. Знаете, каковы были истинные причины? Снежок был в сговоре с Джонсом с самого начала! Снежок всегда был тайным агентом Джонса. Это доказывают оставшиеся после него документы, которые мы только сейчас обнаружили. По-моему, это объясняет многое, товарищи. Разве мы не видели сами, как он пытался - к счастью, без успеха - привести нас к поражению и разгрому в Битве при Коровнике.

Животные были ошеломлены. Даже разрушение мельницы не шло ни в какое сравнение с этим предательством. Однако прошло все же несколько минут, прежде чем они поверили в это. Все они вспомнили - или подумали, что вспомнили, - как Снежок вел их в атаку в Битве при Коровнике, как он их спланивал и ободрял на каждом шагу, и как даже ранение дробью ни на миг не остановило его. Все это как-то не вязалось с тем, что он был на стороне Джонса. Даже Боксер, который редко задавал лишние вопросы, был озадачен. Он лег, подобрал под себя передние копыта, закрыл глаза и с тяжким усилием попытался выразить свою мысль:

- Я в это не верю... Снежок храбро сражался в Битве при Коровнике. Я сам видел это. Разве мы не присвоили ему звание "Зверь-Герой" первой степени сразу же после битвы?

- Это была наша ошибка, товарищи. Теперь-то мы знаем, что в действительности он пытался погубить нас. Обо всем этом написано в секретных документах, которые теперь нашлись.

- Но он был ранен! - сказал Боксер. - Мы все видели, как он истекал кровью.

- Это было подстроено! - верещал Визгун. - Выстрел Джонса только слегка задел его. - Я бы показал, что об этом сказано в его собственных воспоминаниях, если бы вы умели читать. Замысел Снежка заключался вот в чем. В решающий момент он должен был подать сигнал к отступлению и таким образом оставить врагу поле боя. И ему бы удалось это, если бы не наш героический вождь товарищ Наполеон! Вы что, не помните, что как раз в ту минуту, когда всех охватила паника и казалось, что все потеряно, товарищ Наполеон выступил вперед с кличем "Смерть человечеству!" и вонзил свои клыки в ногу Джонса? Вы помните это? - вопил Визгун, прыгая из стороны в сторону.

Теперь, когда Визгун описал сцену столь живописно, животным показалось, что они вспомнили ее. Во всяком случае, они припомнили, что в решающую минуту Снежок действительно побежал. Но Боксер не унимался.

- Я не верю, что Снежок всегда был предателем, - сказал он. - Другое дело, что он натворил потом. Но я уверен, что в Битве при Коровнике он еще был добрым товарищем.

- Наш Вождь, товарищ Наполеон, - возгласил Визгун, выговаривая слова размеренно и твердо, - утверждает категорически, товарищи, что Снежок был агентом Джонса еще с тех времен, когда о Восстании никто и думать не думал! Категорически!

- Ну, это другое дело! - сказал Боксер. - Если сам товарищ Наполеон так говорит, значит, так оно и есть.

- Вот это уже патриотически сказано! - хрюкнул Визгун, но глянул на Боксера своими мигающими глазками весьма угрожающе. Уходя, он многозначительно добавил:

- Я предостерегаю всех и каждого: смотреть нужно в оба! У нас есть основания полагать, что секретные агенты Снежка и в эту минуту таятся среди нас!

Четыре дня спустя Наполеон приказал животным собраться во дворе после обеда. Когда все были в сборе, Наполеон вышел из дома. Недавно он удостоил себя званиями "Зверь-Герой" первой степени и "Зверь-Герой" второй степени, и оба эти ордена болтались у него на груди. Девять громадных псов прыгали вокруг Наполеона и рычали так, что у всех мурашки бегали по спинам.

Все молчаливо сжались на своих местах и, казалось, предчувствовали, что сейчас произойдет нечто ужасное.

Наполеон постоял, строгим взором оглядел присутствующих и вдруг пронзительно хрюкнул. Псы тотчас рванулись вперед и, схватив за уши четырех свиней, поволокли их, визжащих от боли и страха, к ногам Вождя. Из прокушенных ушей хлестала кровь, псы почувствовали ее вкус и, казалось, на несколько мгновений совершенно взбесились. Трое псов, ко всеобщему изумлению, бросились на Боксера. Первый пес был перехвачен копытом Боксера еще в прыжке и сразу же прижат к земле. Пес взвыл о пощаде, а два других, поджав хвосты, отскочили. Боксер взглянул на Вождя, как

бы спрашивая, что ему делать дальше. Наполеон, казалось, передумал и, скрывая испуг, строго приказал отпустить пса. Боксер приподнял копыто, и помятый пес с воем метнулся прочь.

Суматоха улеглась. Четверо обвиняемых ждали, всем своим видом свидетельствуя о совершенных преступлениях. Наполеон потребовал, чтобы злодеи покаяться. Это были те самые четыре кабанчика, которые протестовали, когда Наполеон отменил Советы по воскресеньям. Других подсказок не требовалось. Те признались, что с момента изгнания Снежка поддерживали с ним тайные сношения, содействовали Снежку в разрушении мельницы, вошли в сговор со Снежком с целью передать Зверскую Ферму в руки Фредерику. Они также добавили, что Снежок доверительно признавался им, что был в прошлом тайным агентом Джонса. Как только они закончили свое покаяние, псы тут же перегрызли им глотки, а Наполеон зловеще спросил, нет ли еще желающих в чем-нибудь покаяться.

Вперед вышли три черные минорки, зачинщицы яичного бунта, и признались, что Снежок явился им во сне, подстрекая к неповиновению Наполеону. Их тут же прикончили. За ними вышел гусь и повинулся, что утаил шесть початков кукурузы с прошлого урожая и ел их по ночам. За ним овца призналась в том, что помочилась в общую поилку по наущению, конечно же, Снежка, а две другие овцы признались в убийстве одного старого барана, особенно верного приверженца Наполеона. Несчастного барана, страдавшего от кашля, они довели до смерти, гоняя его вокруг костра. Они тоже были казнены на месте.

Череда покаяний и расправ продолжалась до тех пор, пока у ног Наполеона не образовалась гора трупов, и самый воздух не пропитался забытым со времен Джонса тяжелым запахом крови.

Когда резня прекратилась, все, кроме свиней и псов, гуртом побрели прочь. Они были потрясены и опечалены. Они даже не знали, что их ужаснуло больше: измена своих товарищей, продавшихся Снежку, или жестокое возмездие, свидетелями которого они стали. Кровавые сцены им приходилось наблюдать и прежде, однако то, что произошло сегодня, показалось им ужаснее чего бы то ни было, потому что случилось между своими. С тех пор, как Джонс покинул ферму, животные не убивали друг друга. Даже крыс никто не трогал.

Они поднялись на пригорок неподалеку от наполовину отстроенной мельницы. Чтобы было теплее, они сбились в тесную кучу, здесь были Кашка, Мюриель, Бенджамин, коровы, овцы и вся стая гусей и кур - все, кроме кошки, внезапно исчезнувшей как раз накануне устроенной Наполеоном экзекуции. Некоторое время все лежали молча. Один Боксер остался на ногах. Он дергался, хлестал себя по бокам длинным черным хвостом, время от времени выражал свое недоумение коротким и негромким ржанием. Наконец, он сказал:

- Не понимаю. Я бы не поверил, что такое может случиться на нашей ферме. Должно быть, мы допустили какие-то серьезные ошибки. Вывод, я думаю, один: надо работать упорнее. С сегодняшнего дня я буду вставать по утрам на час раньше. - И тяжелой рысью Боксер ускакал на карьер. Там он в качестве разминки перед сном набрал два воза камней и отволок их один за другим на мельницу.

Сгрудившись вокруг Кашки, животные тесно жались друг к другу. С холма, на котором они лежали, открывался широкий вид на окрестности. Большая часть фермы лежала перед их взорами: длинный луг, простиравшийся до главной дороги, поле, засеянное кормовыми травами, роща, пруд с питьевой водой, пахотные земли, где

густо зеленела молодая пшеница, красные крыши хозяйственных строений, из труб которых вился дымок.

Был ясный весенний вечер. Трава и распускавшийся кустарник живой изгороди отливали золотом под косыми лучами солнца. Никогда еще ферма не казалась им столь желанным местом - и с каким-то даже удивлением они вспомнили, что это их собственная ферма, где каждый клочок земли принадлежит им.

Кашка смотрела с холма, и ее глаза наполнялись слезами. Если бы она смогла выразить свои мысли, то сказала бы, что совсем не ради того, что случилось сегодня, они затеяли несколько лет тому назад борьбу против тирании двуногих. Эти сцены страха и резни - нет, не этого они ждали в ту ночь, когда старый Майор призвал их к Восстанию. Сама она представляла себе будущее, если вообще как-то представляла, как сообщество животных, свободных от голода и бичей, где все равны, каждый трудится по способностям и сильный оберегает слабого, как сама она оберегала в ту ночь потерявшихся утят, загородив их своими ногами. Она не знала почему, но вместо этого они дожили до того, что никто уже не осмеливается высказать вслух то, что думает; повсюду рыщут жестокие и злобные псы, и на твоих глазах твои собственные товарищи признаются в ужасных преступлениях и гибнут, разорванные в клочья. У нее не было и мысли о мятеже или неповиновении. Она знала, что даже теперь все-таки лучше, чем при Джонсе, что самое главное - это предотвратить возвращение двуногих. Что бы ни случилось, она останется верна идеям Зверизма, будет усердно работать, честно исполнять возложенные на нее обязанности и признавать руководящую роль Наполеона. Однако не за это они боролись, не на это уповали, не ради этого трудились. Не ради этого они строили мельницу и шли под пули Джонса. Таковы были ее мысли, хотя слов, чтобы их выразить, ей не хватало.

Наконец, чувствуя, что песня может заменить недостающие слова, она затянула "Всех животных Британии". Животные, сидевшие вокруг, подхватили песню. Они спели ее три раза подряд, очень мелодично, но тихо и печально, как никогда не пели раньше.

Едва они допели ее в третий раз, как появился Визгун, и по всему его виду было ясно, что у него есть какое-то важное сообщение. Визгуна сопровождали два пса.

- Особым постановлением товарища Наполеона, - объявил Визгун, - песня "Все животные Британии" отменяется. Петать ее отныне запрещено.

Животные были ошарашены.

- Но почему? - спросила Мюриель.

- В ней больше нет необходимости, товарищи, - сказал Визгун непререкаемым тоном. - "Все животные Британии" - это песня Восстания. Но Восстание закончилось. Сегодняшняя казнь предателей была заключительным актом Восстания. Наши внешние и внутренние враги разгромлены. В "Животных Британии" мы выражали наши чаяния на более справедливый общественный строй. Но такой строй теперь создан. Очевидно, что петать старый гимн уже нецелесообразно.

И хотя все были напуганы, кое-кто, может быть, и решился бы запротестовать, но тут овцы принялись за свое излюбленное "Четыре - хорошо, две - плохо". Блеянье овец длилось несколько минут и сделало продолжение дискуссии невозможным.

Устаревший гимн больше никогда не пели. Поэт Минимум сложил новую песню, которая начиналась словами:

О, Ферма Зверская! Я никогда

Не причину тебе вреда!

И каждое воскресное утро эту песню пели теперь после торжественного подъема флага. Но ни слова, ни мелодия ее, по всеобщему мнению, не шли ни в какое сравнение со "Всеми животными Британии".

Глава восьмая

Через несколько дней, когда страх, вызванный казнями, поутих, кое-кто из животных припомнил или подумал, будто припомнил, что Шестая Заповедь гласит: "Да не убьет зверь другого зверя". Многим стало казаться, что имевшая место расправа противоречит закону, хотя в присутствии свиней или псов об этом никто говорить не решался. Кашка попросила Бенджамина прочесть ей Шестую Заповедь, а когда осел по обыкновению ответил, что в такие дела не впутывается, она обратилось к Мюриель. Коза прочла Заповедь вслух. Текст ее гласил: "Да не убьет зверь другого зверя БЕЗ ВИНЫ".

Как-то так получилось, что эти последние два слова ни у кого не удержались в памяти. Зато теперь все встало на свои места. Тяжкие вины истребленных предателей, вступивших в преступный сговор со Снежком, были очевидны.

Весь этот год обитатели фермы работали еще больше, чем в прошлом году. Нужно было восстановить мельницу, вдвое увеличив толщину ее стен, причем закончить ее строительство в запланированный срок, не забрасывая обычных полевых работ, - все это требовало огромных усилий. Временами животным казалось, что они работают больше, а едят не лучше, чем при Джонсе. Каждое воскресное утро Визгун, придерживая ножкой длинный лист бумаги, зачитывал им колонки цифр, согласно которым производство каждого вида продовольственных культур возросло на 200, 300, а то и 500 процентов. У животных не было причин ему не верить, тем более что они уже не так отчетливо помнили, каковы были условия их жизни ДО Восстания. Но все же бывали дни, когда они чувствовали, что предпочли бы цифр получать поменьше, а еды побольше.

Все приказания теперь передавались через Визгуна или кого-нибудь еще из руководящих свиней. Сам Наполеон не показывался на публике чаще чем раз в две недели. Когда он появлялся, его сопровождала не только свита из псов, но еще и черный петух, который вышагивал перед ним и, играя роль трубача-герольда, издавал громкое "кук-кар-ре-ку!" перед каждым выступлением Наполеона. Говорили, что даже в доме Наполеон поселился в отдельных покоях. Он принимал пищу в одиночестве, а два пса прислуживали ему, и ел он всегда из обеденного сервиза фирмы "Краун Дарби", который хранился в гостиной в стеклянном буфете. Было объявлено, что в день рождения Наполеона, так же как в дни других праздников, будет производиться салют из ружья.

О Наполеоне теперь никогда не говорили просто "Наполеон". Имя его теперь всегда произносилось по установленной формуле: "Наш Вождь, товарищ Наполеон". Свиньям нравилось придумывать для него титулы вроде "Отец Всех Животных", "Ужас Человечества", "Покровитель Овчарен", "Друг Утят" и т.п. В своих выступлениях Визгун со слезами на глазах говорил о мудрости Наполеона, доброте его сердца и

горячей любви, которую он питает ко всем зверям всего мира, а в особенности к несчастным животным, которые еще страдают под игом рабства и невежества на других фермах. Вошло в обычай восхвалять Наполеона за всякое достижение и всякий успех. Часто можно было услышать, как одна квочка говорит другой: "Под мудрым руководством нашего Вождя, Товарища Наполеона, я снесла за шесть дней пять яиц", или как переговариваются две телки, смакуя воду из лужицы: "Как вкусна эта вода, хвала товарищу Наполеону!".

Общие чувства обитателей фермы выразил Минимус в стихотворении под названием "Наш Отец Наполеон", которое звучало так:

О владыка всех сердец,

Друг сирот и наш Отец,

Твои очи ярче светят, чем неон!

Я пьянею без вина,

Ты и солнце, и луна,

Ты и лето и весна,

Наш Отец Наполеон!

Все, что любим, чем живем,

Все, что мы едим и пьем,

И свободу - кто же дал нам, как не он!

Его имя мой язык

Славит всякий час и миг,

Как он светел и велик,

Наш Отец Наполеон!

Мы растим тебе щенят,

Поросят и жеребят,

Их мы учим - до скончания времен

Тебе преданными быть,

Одного тебя любить,

И врагов твоих губить,

Наш Отец Наполеон!

Наполеон одобрил эти стихи и повелел начертать их на стене большого гумна,

противоположной Семи Заповедям. Они были увенчаны портретом Наполеона в профиль, который Визгун искусно нарисовал белилами.

Тем временем Наполеон вел через Вимпера сложные переговоры с Фредериком и Пилькингтоном. Груда бревен все еще не была продана. Фредерик больше Пилькингтона был заинтересован в приобретении бревен, но, судя по всему, не хотел давать настоящей цены. В это же самое время возобновились слухи, что Фредерик и его люди готовят нападение на Зверскую Ферму, а мельницу, строительство которой возбуждало у него бешеную зависть, замышляет сровнять с землей. Стало известно, что Снежок все еще скрывается на ферме Пинчфильд. В середине лета животных взбудоражило новое событие. Выступив с добровольным покаянием, три курицы публично признали себя виновными в том, что по заданию Снежка готовили покушение на Наполеона. Их немедленно казнили, а для безопасности Наполеона были приняты новые меры предосторожности. Его постель по ночам теперь охраняло четверо псов, по одному в каждом углу его апартаментов, а маленькому поросенку по кличке Пинки было поручено пробовать все что ел Наполеон.

Примерно тогда же было объявлено, что Наполеон договорился о продаже штабеля бревен Пилькингтону. Готовилось также соглашение об обмене определенными видами продукции между Зверской Фермой и Фоксвудом на постоянной основе. Отношения Наполеона и Пилькингтона, хотя они по-прежнему велись через Вимпера, стали почти дружескими. Животные не доверяли Пилькингтону как существу человеческой породы, но во многих отношениях были готовы предпочесть его мистеру Фредерику, которого одновременно ненавидели и боялись. В течение всего лета, пока строительство мельницы близилось к завершению, слухи о нависшей угрозе вероломного нападения все усиливались и усиливались. Говорили, что Фредерик готовит отряд из 20 человек, вооруженных огнестрельным оружием, и что он уже подкупил должностных лиц и полицию, дабы те не задавали лишних вопросов, если он однажды станет обладателем документов, свидетельствующих о его праве собственности на Зверскую Ферму. Кроме того, из Пинчфильда доходили жуткие слухи о жестокостях, которые творил Фредерик над своими животными. Он забил до смерти старую лошадь, он морил голодом своих коров, он живьем бросил в печь свою собаку, он развлекался кровавыми петушиными боями, привязывая петухам обломки бритвенных лезвий на шпоры. У животных кровь вскипала от ярости, когда они узнавали о таких издевательствах над своими собратьями. Были предложения напасть всем скопом на ферму Пинчфильд, выбить оттуда людей и освободить угнетенных животных Фредерика. Визгун, однако, рекомендовал воздерживаться от опрометчивых решений и положиться во всем на мудрую стратегию Наполеона.

Озлобление против Фредерика, однако, продолжало расти. В одно воскресное утро Наполеон появился на гумне и заявил, что никогда в жизни и не помышлял о продаже бревен Фредерику. "Заключать какие-либо торговые сделки с подобным негодяем - ниже нашего достоинства", - сказал Наполеон. Голубям, которых все еще рассылали повсюду для пропаганды идеалов Восстания, запретили посещать Фоксвуд и велели сменить прежний лозунг "Смерть Человечеству!" на "Смерть Фредерику!".

В конце лета раскрылись новые козни Снежка. Посевы пшеницы заросли сорняками и, как оказалось, это Снежок во время одного из своих ночных визитов подсыпал плевел в семенное зерно. Один гусак, замешанный в этом заговоре, признался Визгуну в своем преступлении, после чего покончил с собой, наглотавшись ягод белены. Как теперь выяснилось, Снежок никогда не получал звания "Зверя-Героя" первой степени, как полагали прежде некоторые из животных. Эта легенда оказалась лживой, и распространил ее вскоре после Битвы у Коровника сам же Снежок. Он не

только не был тогда награжден, но, наоборот, заклеен позором за трусость, проявленную им в этой битве. Опять кое-кто выслушал эту новость с некоторым смущением, но вскоре Визгуну удалось убедить сомневавшихся.

Ценой великих усилий и изнурительных трудов мельница была, наконец, достроена почти одновременно с окончанием осенних уборочных работ. Механизмы еще предстояло поставить, и Вимпер вел переговоры об их приобретении, но само здание было готово. Вопреки всем трудностям, несмотря на отсутствие опыта, вопреки невезению и козням Снежка, мельница была сдана в назначенный день.

Усталые, но гордые собой животные бродили вокруг своего детища, которое казалось им даже прекраснее первой мельницы. Да и стены ее были вдвое толще. Разве что динамитом можно было сокрушить эти стены! И когда они вспоминали, сколько трудностей преодолели, когда думали, какие грандиозные перемены произойдут в их жизни, когда завертятся крылья ветряка и заработают динамо-машины, они, забыв об усталости, с ликующими криками принимались весело скакать вокруг мельницы. Сам Наполеон в сопровождении петуха и девяти псов, осмотрел объект и лично поздравил строителей с их достижениями. Он объявил, что мельнице присвоено название "Мельница имени Наполеона".

Спустя два дня все животные были созваны на чрезвычайный митинг. Сойдясь на гумне, они онемели от изумления, узнав, что Наполеон продал бревна Фредерику. Перевозка бревен была назначена на завтра, когда должны были прибыть телеги. В течение всего периода притворной дружбы с Пилькингтоном Наполеон, оказывается, был в тайном соглашении с Фредериком.

Все отношения с Фоксвудом были прерваны, а самому Пилькингтону было направлено оскорбительное послание. Голуби получили указание облетать ферму Пинчфильд стороной и поменять лозунг "Смерть Фредерику!" на "Смерть Пилькингтону!". Тогда же Наполеон заверил обитателей фермы, что слухи о готовящемся вторжении Фредерика не соответствуют действительности, а жестокость Фредерика в обращении со своими животными сильно преувеличена молвой. Возможно, эти рассказы исходили от Снежка или его агентов. Оказалось, что Снежок прятался вовсе не в Пинчфильде, где он на самом деле не разу в жизни не был, а наоборот, все последние годы он был на содержании у Пилькингтона и в исключительной роскоши жил в Фоксвуде.

Свиньи приходили в экстаз от хитрости Наполеона. Оказывается он, демонстрируя дружбу с Пилькингтоном, принудил Фредерика поднять цену на бревна на 12 фунтов. Но высшее свидетельство гениальности Наполеона - это то, что он никому из людей по-настоящему не доверяет. Фредерик хотел дать за бревна какой-то "чек", то есть бумажку с обещанием выплатить обозначенную на этой бумажке сумму. Наполеон же оказался хитрее и потребовал уплаты вперед и наличными. Деньги уже получены, и их как раз хватит на покупку механизма для ветряной мельницы.

Бревна тем временем перевозились с большой поспешностью. А как только с ними покончили, на гумне было устроено торжественное собрание, чтобы главным образом полюбоваться на банкноты Фредерика. Нацепив ордена и блаженно улыбаясь, Наполеон возлежал на помосте в груде соломы, а деньги, аккуратно уложенные на взятом с кухни фарфоровом блюде, лежали рядом.

Звери гуськом медленно шествовали мимо блюда, и у каждого было время полюбоваться банкнотами. Боксер вытянул свой нос понюхать банкноты, и легкие белые листочки затрепетали и зашелестели от его дыхания.

А через три дня был большой переполох. Вимпер примчался на своем велосипеде, бледный, как смерть, бросил велосипед во дворе и кинулся прямо в дом. Еще через секунду яростный рев из покоев Наполеона потряс ферму. Новость облетела всех с невероятной быстротой. Банкноты были поддельные! Бревна достались Фредерику даром!

Наполеон созвал всех животных и страшным голосом провозгласил смертный приговор Фредерику. "Мы сварим его живьем, когда поймем", - сказал он. Одновременно он заявил, что теперь следует ждать от Фредерика самого худшего. Фредерик и его люди в любой момент могут предпринять давно ожидаемое нападение. У всех подходов к ферме были выставлены посты. В Фоксвуд была отправлена четверка голубей с примирительным посланием, которое, как надеялись, поможет восстановить добрые отношения с Пилькингтоном.

Враг напал уже следующим утром. Звери завтракали, когда дозорные принесли весть, что Фредерик и его банда уже прошли через окованные железными скрепами ворота. Навстречу захватчикам была сделана доблестная вылазка, но в этот раз победа не далась животным так легко, как когда-то в Битве при Коровнике. У Фредерика было полтора десятка человек и полдюжины ружей. Люди открыли стрельбу с расстояния уже пятнадцати ярдов. Несмотря на усилия Наполеона и Боксера, животные, не выдержав пальбы и свиста картечи, обратились в бегство. Многие получили ранения. Они прятались в амбарах и сараях, откуда следили за врагом через щели и дырки от выпавших сучков. Весь большой выгон вместе с мельницей был в руках противника. На какое-то мгновение показалось, что даже Наполеон в затруднении. Он ходил в полном молчании взад и вперед, а хвост у него стоял торчком и подрагивал. То и дело он бросал тоскливые взгляды в сторону Фоксвуда. Если Пилькингтон и его люди придут на помощь, нападение можно будет отразить без труда. Как раз в эту минуту в воздухе показались голуби, отправленные в Фоксвуд накануне. Один из голубей нес листок бумаги. На нем карандашом были нацарапаны слова: "Поделом тебе, скотина!" Тем временем отряд Фредерика окружил мельницу. Тревожно перешептываясь, животные наблюдали за действиями людей. Один из них нес кувалду, другой - лом. Судя по всему, они собирались ломать мельницу.

- Смелее, товарищи звери! - раздался визг Наполеона. - Это невозможно! Стены мельницы несокрушимы! Им не разобрать их за неделю!

Бенджамин с вниманием следил за поведением людей. Двое ломом и кувалдой долбили отверстие в основании мельницы. Медленно и почти изумленно Бенджамин покачал своей длинной мордой.

- Я думаю так, - сказал он, - сейчас они забьют пороховой заряд в эту дырку. Видите, что они делают?

Животные испуганно молчали. Оставить укрытие они уже не могли. Еще через несколько минут двуногие врассыпную побежали от мельницы. Раздался оглушительный взрыв. Голуби взвились в воздух, а все звери, кроме Наполеона, упали на брюхо и попрятали свои морды. Когда они поднялись, огромное облако черного дыма висело там, где только что высились стены мельницы. Ветер сносил его в сторону. Мельницы не было!

Это зрелище вернуло животным отвагу. Их страх и отчаяние утонули в ярости и ненависти к этому подлому и презренному поступку! С кличем мести на устах, не ожидая ни от кого приказаний, всем скопом они ринулись прямо на врага. Теперь они уже не обращали внимания на беспощадную картечь, которая сыпалась на них

градом. Это была дикая, жестокая битва. Люди падали снова и снова. А когда дошло до рукопашной схватки, - они лупили зверей палками и пинали тяжелыми сапогами. Корова, три овцы и два гуся пали смертью храбрых, и почти все получили ранения. Наполеон, руководивший боевыми действиями из глубокого тыла, тоже потерял кончик хвоста, который ему отстрелили картечиной. Но и люди понесли тяжелые потери. Трое двуногих один за другим с разбитой головой пали под копытами Боксера. Еще одного забодала корова. Джесси и Блюбель изодрали в клочья штаны другого. А когда девять псов личной охраны Наполеона, которым он приказал совершить обход под прикрытием изгороди, внезапно появились в тылу захватчиков, паника охватила их. Люди увидели, что им грозит окружение. Фредерик отдал приказ к отходу и в следующую минуту, пока дорога была еще свободна, трусливые враги обратились в бегство. Животные долго гнались за ними по полям и нанесли им еще несколько ударов рогами и копытами, когда люди Фредерика продирались сквозь изгородь.

Звери победили, но были измучены и истекали кровью. Медленно и невесело они поплелись назад. Вид распостертых в траве погибших товарищей поверг их в слезы. Минуту они постояли в грустном молчании на том месте, где когда-то была мельница. Да, от их трудов не осталось и следа! Даже фундамент был частично уничтожен. Восстанавливая мельницу, они не смогли бы, как в прошлый раз, использовать упавшие камни. Силой взрыва их разбросало на сотни ярдов вокруг. Как будто мельницы здесь и вовсе никогда не было.

Когда они подошли к усадьбе, Визгун, который по необъяснимым причинам отсутствовал на поле боя, подбежал к ним, припрыгивая, размахивая хвостиком и сияя от радости. Торжественный выстрел из ружья донесся со двора.

- Что это за стрельба? - удивился Боксер.

- Это салют в честь нашей Победы! - выкрикнул Визгун.

- Какой победы? - спросил Боксер. Колени у него кровоточили, он потерял подкову, разбил копыто, и целая дюжина картечин засела у него в задней ноге.

- Как какая Победа, товарищ? Разве мы не изгнали врага с нашей земли со Священной земли Зверской Фермы?

- Но они же взорвали мельницу! А мы строили ее два года!

- Ну и что? Мы построим другую мельницу! Мы построим, если будет нужно, шесть мельниц! Ты, товарищ зверь, недооцениваешь значение совершенного нами подвига. Враг стоял вот здесь, на том самом месте, где мы сейчас стоим, но под руководством товарища Наполеона - мы не оставили ему ни пяди нашей земли!

- Мы отбили лишь то, чем владели и раньше! - сказал Боксер.

- В этом и состоит наша победа! - сказал Визгун.

Звери приплелись во двор. Картечь, засевавшая под шкурой Боксера, причиняла ему жгучую боль. Боксер уже представлял в своем воображении тяжкие труды по восстановлению мельницы и мысленно укреплял себя для этой задачи. Но впервые ему пришло в голову, что ему уже 11 лет, и силы его, пожалуй, уже не те, что прежде.

Но когда животные увидели, что зеленый флаг снова развевается на флагштоке, и опять услышали выстрел из ружья (а всего было сделано семь выстрелов), когда

прослушали речь Наполеона, который восславил их героизм, они уверились, что в самом деле одержали великую победу. Звери, павшие в бою, были преданы торжественному погребению. Боксер и Кашка тянули превращенную в катафалк телегу, а сам Наполеон вышагивал во главе процессии. Целых два дня были посвящены торжествам. Пели песни, снова салютовали из ружья, каждое животное получило в качестве особой награды в подарок по яблоку, каждой птице выдали по три унции зерна, а каждой собаке - по три сухарика. Было объявлено, что сражение будет называться "Битвой за Мельницу". Наполеон учредил новую награду, "Орден Зеленого Знамени", первым кавалером которого провозгласил самого себя. Среди всеобщего веселья была позабыта злополучная история с поддельными банкнотами.

Как раз через несколько дней после победы свиньи натолкнулись в подвалах жилого дома на ящик виски. Они его проглядели в те дни, когда впервые заняли дом. Вечером из дома понеслись звуки громких песен, среди которых, ко всеобщему удивлению, можно было различить и отдельные строчки "Всех Животных Британии". Около половины десятого все отчетливо видели, как Наполеон в старом котелке мистера Джонса на голове выскочил из двери черного хода, стремительно прогалопировал вокруг двора и вновь исчез в дверях дома.

А утром в доме воцарилась глубокая тишина. Ни одна свинья, похоже, не могла даже шевельнуться. Только около девяти Визгун, ковыляя медленно и с удрученным видом, совершил первый выход. Глаза его потускнели, хвостик безвольно повис сзади, весь вид его свидетельствовал о тяжелой болезни. Он созвал животных и сообщил им ужасную весть. Вождь был при смерти!

Раздались рыдания. У дома постелили солому, и все животные ходили мимо дверей только на цыпочках. Они спрашивали друг у друга со слезами на глазах, как же им теперь жить без Наполеона? Прошел слух, что Снежку все-таки удалось подсыпать яду в его тарелку. В одиннадцать часов Визгун вышел сделать еще одно объявление. В качестве своей последней воли Товарищ Наполеон издал торжественный декрет: употребление спиртных напитков отныне карается смертью!

К вечеру, однако, Наполеону полегчало, а на следующее утро Визгун уже смог сказать им, что Вождь поправляется. К вечеру того же дня Наполеон вновь приступил к работе, а уже на другой день поручил Вимперу закупить несколько популярных брошюр о пивоварении и перегонке спирта. Через неделю Наполеон повелел перепахать небольшую лужайку за садом, которую первоначально предполагалось зарезервировать для животных, достигших пенсионного возраста. Сначала объявили, что это пастбище истощено и нуждается в пересеве, но вскоре стало известно, что Наполеон намерен занять этот участок земли под ячмень.

В один из этих дней случилось странное происшествие, смысл которого едва ли кто был способен понять. Как-то в полночь со двора послышался ужасный грохот, и все животные повыскакивали из своих стойл и сараев. Ночь была лунная. Под торцевой стенкой большого гумна, на которой были начертаны Семь Заповедей, валялась разломанная надвое приставная мельница. Оглушенный падением Визгун лежал рядом с ней пластом, тут же валялись фонарик, малярная кисть и опрокинутое ведро, из которого по земле растекалась белая краска. Псы вмиг окружили Визгуна и, как только он очнулся и смог подняться на ноги, сопроводили его в дом. Животные терялись в догадках, что бы все это значило. Никто ничего не понимал, за исключением старого Бенджамина, который кивал своей головой с умным видом и, казалось, все понял, но по обыкновению решил промолчать.

А несколько дней спустя Мюриель, перечитывая для себя Семь Заповедей,

обнаружила, что еще одну заповедь животные запомнили неточно. Они думали, что в Пятой Заповеди сказано "Зверь не пьет спиртное", а там оказалось еще три слова, о которых все почему-то забыли. Заповедь гласила: "Зверь не пьет спиртное НЕ В МЕРУ".

Глава девятая

Разбитое копыто Боксера заживало медленно. Мельницу стали восстанавливать уже на следующий день после окончания победных торжеств. Боксер не взял освобождения от работ ни на один день. Он старался не показывать вида, что страдает от болей в ноге. По вечерам, правда, он признавался Кашке, что копыто его несколько беспокоит. Кашка делала ему припарки из жеваной травы и вместе с Бенджамином уговаривала Боксера работать не надрываясь. "И лошадиные легкие не вечны", - говорила она ему. Но Боксер не слушал. "У меня только одна цель, - говорил он, - еще до ухода на пенсию убедиться в том, что строительство близко к завершению".

Еще когда принимали трудовое законодательство Зверской Фермы, было решено, что свиньи и лошади выходят на пенсию в возрасте двенадцати лет, коровы - в четырнадцать лет, собаки - в девять лет, овцы - в семь, а куры и гуси в пять лет. Всем были обещаны щедрые пенсии. Хотя никто на ферме пенсионного возраста еще не достиг, говорили об этом в последнее время много. Теперь, так как поляну за садом отвели под ячмень, пошли слухи, что скоро участок большого выгона будет отгорожен и превращен в специальное пастбище для пенсионеров. Для лошадей пенсия была определена в свое время в размере 5 фунтов зерна в день летом и 15 фунтов сена зимой. По общественным праздникам предполагалось выдавать еще и морковку или, может быть, яблоко. Боксеру исполнялось 12 лет в августе следующего года.

Между тем, жилось на ферме нелегко. Зима оказалась такой же суровой, как и в прошлом году, а пищи было еще меньше. Для всех, кроме свиней и псов, пришлось еще раз сократить продовольственную пайку. "Уравниловка, - объяснил Визгун, - противоречит принципам Зверизма". Он доказывал без труда, что, хотя так и может кому-то иногда показаться, но в действительности никакой продовольственной проблемы на ферме не существует. Конечно, ситуация в текущий момент вынудила произвести пересмотр продовольственных норм (Визгун всегда говорил не "сокращение", а именно "пересмотр"), но в сравнении с временами Джонса общее улучшение питания животных - огромное. Он зачитывал цифры пронзительной скороговоркой, детально показывая, что они теперь получают больше овса, больше сена, больше кормовой свеклы, чем во времена Джонса, что питьевая вода у них теперь гораздо лучшего качества, рабочий день короче, продолжительность жизни увеличилась, а детская смертность сократилась, что соломы в стойлах стало больше, а мух меньше. Животные ему верили. Сказать по правде, все, что было при Джонсе, почти полностью выветрилось из их памяти. Они сознавали, что теперешняя жизнь тяжка и сурова, что они часто голодают и часто мерзнут и от работы свободны разве что во сне. Но, конечно же, раньше было еще хуже. В это они охотно верили. А главное, раньше они были подневольной скотиной, а теперь - свободные звери. В этом принципиальная разница, все время подчеркивал Визгун.

Ртов на ферме прибавилось. Осенью четыре свиноматки опоросились почти одновременно, родив общим счетом тридцать одного поросенка. Все они были пегими и вычислить их происхождение было нетрудно - Наполеон оставался единственным нехолощенным кабаном на ферме. Впоследствии, как только появятся кирпичи и бревна, предполагалась построить в саду школу. Пока же Наполеон лично руководил воспитанием поросят на кухне. Поросята занимались спортивными упражнениями в саду, и им не рекомендовалось играть с другими несовершеннолетними животными.

Примерно тогда же было установлено правило, что когда свинья встречается на тропинке с каким-нибудь другим зверем, последний должен посторониться и уступить дорогу, а также, что все свиньи любого звания имеют исключительное право носить зеленый бантик на хвосте по воскресеньям.

Сезон завершили сравнительно успешно, но денег все равно не хватало. Предстояло закупить песок, кирпич и известку для строительства школы, к тому же опять надо было копить средства на мельничный механизм. А кроме того, были нужны свечи и керосин для дома и сахар на стол Наполеону (другим свиньям Наполеон запретил есть сахар, заботясь о том, как бы они не ожирели). Требовалось пополнить таявшие запасы гвоздей, шпагата, угля, проволоки, заплат, собачьих сухарей, различных инструментов, пришлось продать стог сена и часть урожая картофеля, а поставки яиц на рынок увеличить до шести сотен в неделю, так что цыплят куры высихивали совсем немного, только чтобы поддержать поголовье на прежнем уровне. Кормовой рацион, урезанный в декабре, в феврале сократили вторично и в целях экономии было запрещено зажигать керосиновые лампы в стойлах. Но свиньи не были похожи на голодающих и даже прибавляли в весе. Как-то в конце февраля после полудня, теплый, сильный, аппетитный запах, несслыханный никогда ранее, разнесся по двору из заброшенной еще при Джонсе пивоварни. Кто-то сказал, что очень похоже пахнет вареный ячмень. Животные жадно втягивали в себя воздух и гадали: не им ли на ужин готовится это варево? Но никакого варева они, во всяком случае, не получили, а в следующее воскресенье вышел указ, согласно которому весь ячмень отныне будет поступать в распоряжение свиней. Полянка за фруктовым садом уже была засеяна. А вскоре поползли слухи, что в ежедневный рацион каждой свиньи входит теперь пинта пива. Сам Наполеон получал полгаллона пива в день, которое ему всегда подавали в супнице фирмы "Краун Дерби".

Лишения, которые приходилось нести, хотя бы отчасти сглаживались тем, что жизнь стала теперь торжественнее и красивее. Было больше песен, речей, шествий. Наполеон решил проводить раз в неделю Стихийную Демонстрацию в память о победах и сражениях Зверской Фермы. В назначенное время все животные, оставив работу, должны были в воинском строе и маршевым шагом делать круг почета вдоль всех границ фермы. Во главе процессии шли свиньи, следом за ними лошади, потом коровы, овцы и домашняя птица. Псы бежали по бокам, а черный петух Наполеона вышагивал впереди колонны демонстрантов. Боксер и Кашка всегда носили зеленое знамя с копытом и рогом, украшенное лозунгом "Да здравствует товарищ Наполеон!". После демонстрации декламировали сложенные в честь Наполеона стихи, Визгун делал доклад, в коем знакомил животных с деталями последних достижений в области производства продуктов питания, а иногда палили из ружья. Овцы были величайшими энтузиастами Стихийных Демонстраций. Если кто-то ворчал (такое случалось, когда свиней и псов не было рядом), что они зря теряют время на глупости, выстаивая на холоде часами, овцы непременно прерывали ворчание единодушным блеянием: "Четыре - хорошо, два - плохо!". Но в общем, эти торжества доставляли животным радость. Ведь они напоминали им, что, в конце концов, они и вправду - свободные звери и работают только на себя, и это служило им утешением. Песни и шествия, цифровые сводки Визгуна, ружейная пальба, петушиные клики и колыхание знамен помогали им забывать о пустом брюхе хотя бы ненадолго.

В апреле Зверская Ферма была провозглашена Республикой, и возникла необходимость избрать Президента. Кандидатура Наполеона получила всенародное одобрение, и его избрание произошло единодушно. В тот же день Визгун сообщил, что открылись новые документы, которые содержат ранее неизвестные подробности о предательстве Снежка. Снежок не просто пытался, как прежде полагали, изменнически проиграть Битву при Коровнике, но и открыто выступал на стороне Джонса. Это именно он

возглавил действия двуногих и бросился на зверей с кличем "Да здравствует Человечество!" на устах. Раны на спине Снежка, о которых кое-кто из животных еще помнил, были следами клыков Наполеона.

В середине лета, после нескольких лет отсутствия, на ферму неожиданно вернулся ворон Моисей. Он совершенно не изменился, по-прежнему бездельничал и рассказывал теми же словами, что и раньше, свои небылицы про Леденцовые Горы. Он взлетал на вершину дерева, хлопая черными крыльями, и часами проповедовал всем, кто был расположен его слушать. "Там, высоко в небе, за облаками, находятся Леденцовые Горы", - торжественно каркал он, указывая вверх большим клювом, - блаженная страна, где мы, несчастные животные, можем освободиться от наших тяжелых трудов!". Он даже утверждал, что как-то долетел туда и увидел вечно зеленые поля клевера, льняные жмыхи и куски колотого сахара, которые растут прямо на заборах. Многие животные ему верили. Их жизнь, считали они, была голодной и трудной, и разве не было бы справедливо, если бы где-то существовал лучший мир? Трудно было определить, как к Моисею относились свиньи. Все они презрительно отвергали рассказы о Леденцовых Горах как плоды его воображения, и все же разрешали ему оставаться на ферме, не работая, и даже определили ему четверть пинты пива в день.

Как только копыто у Боксера зажило, он налег на работу еще ретивее. В этом году, правда, все животные трудились как проклятые. В дополнение к повседневным полевым работам и восстановлению мельницы нужно было еще строить начатую в марте школу для поросят. На пустой желудок трудно было выдерживать долгий рабочий день, но Боксер был непоколебим. Ни в том, что он говорил, ни в том, что делал, не было никаких признаков упадка сил. Только внешность Боксера, пожалуй, изменилась: шерсть не лоснилась больше, а тощие ноги как будто усохли. Некоторые животные уверяли, что Боксер поправится, как только появится зеленая травка, но вот пришла весна, а Боксеру нисколько не полегчало.

Иной раз, когда напряжением всех своих сил Боксер придерживал какой-нибудь огромный валун, скользящий по склону каменного барьера, казалось, что он держится на ногах только усилием воли. Можно было увидеть, как губы его складываются в слова: "Я буду работать еще упорней!" - голоса у него уже не оставалось. Снова и снова Кашка и Бенджамин умоляли его побереечь здоровье, но он их не слушал. Приближался день, когда ему должно было исполниться 12 лет. Боксер был готов на что угодно, лишь бы до выхода на пенсию набрать достаточный запас камня для мельницы.

Однажды в поздний летний вечер внезапный слух пронесся по ферме: с Боксером, который ушел ворочать камни в одиночку, что-то случилось. Слух оказался верен. Еще через несколько минут два голубя, обгоняя друг друга, примчались с вестью: Боксер упал! Он лежит на боку и не может подняться!

Чуть не половина всех животных фермы понеслась на пригорок к мельнице. Боксер лежал между оглоблями телеги, вытянув шею. Глаза его потускнели, а бока покрылись испариной. Тонкий ручеек крови струился изо рта. Кашка опустилась рядом на колени.

- Боксер! - сказала она. - Что с тобой?

- Легкие, - сказал Боксер едва слышно. - Но это не важно. Я думаю, теперь вы справитесь и без меня. Камней мы заготовили прилично. А мне все равно оставался до пенсии только один месяц. Сказать по правде, я уже с нетерпением ждал ее.

Может быть, и Бенджамин, который тоже стар, отпустят вскоре на покой, и он составит мне компанию...

- Нужно немедленно послать за помощью, - сказала Кашка. - Пусть кто-нибудь сбегает и известит Визгуна.

Все помчались назад в усадьбу. Остались только Кашка и Бенджамин, который лег рядом с Боксером и, ничего не говоря, стал отгонять от него мух своим длинным хвостом. Через четверть часа пришел Визгун, всем своим видом выражая огорчение и сочувствие, и сказал, что товарищ Наполеон как величайшее несчастье воспринял это печальное происшествие с одним из самых верных тружеников фермы. Он уже готовит все необходимое для отправки Боксера в Виллингдонскую больницу. Животные почувствовали беспокойство. Никто еще, кроме Снежка и Молли, никогда не покидал ферму, и мысль о том, что их товарищ окажется в руках двуногих, им не нравилась. Визгун, однако, с легкостью доказал, что хирург-ветеринар в Виллингдоне вылечит Боксера успешнее, чем это можно сделать в условиях фермы. Где-то через полчаса Боксер несколько оправился и, хотя и с трудом, смог дотащиться до своего стойла, где Кашка с Бенджamiном соорудили для него мягкую постель из соломы.

Следующие два дня Боксер отлеживался у себя в стойле. Свиньи вынесли ему из ванной комнаты в доме большую бутылку розового снадобья, которое им попало в аптечном сундуке, и Кашка давала его Боксеру два раза в день после еды. Вечера она проводила в стойле, разговаривая с ним, а Бенджамин отгонял мух. Боксер признавался, что не жалеет о случившемся. После полного выздоровления он надеялся прожить еще года три и уже предвкушал эти спокойные дни, которые он проведет на отгороженном пастбище для ветеранов. Впервые у него появится досуг для самообразования. Боксер говорил, что все свое свободное время посвятит изучению алфавита.

Но Бенджамин и Кашка могли быть с Боксером только по вечерам, а фургон приехал за Боксером в середине дня. Под надзором свиней свободные звери занимались прополкой репы, когда вдруг показался Бенджамин, который несся вскачь со стороны усадьбы и орал во всю свою ослиную глотку. Впервые они видели его в таком волнении, да и как Бенджамин скачет галопом, тоже раньше никому видеть не приходилось.

- Скорее! Скорее! - кричал он. - Боксера забирают!

Не дожидаясь никаких приказаний от свиней, животные бросили работу и понеслись в усадьбу. Во дворе, действительно, стоял крытый фургон, запряженный двумя лошадьми, с надписью на боку. На кучерском месте сидел сомнительной наружности человек в котелке, надвинутом на глаза. В стойле Боксера никого не было.

Животные гурьбой окружили фургон. "До свидания, Боксер! - хором кричали они. - Выздоровлявай!"

- Идиоты! - заорал Бенджамин. - Идиоты! - Он носился вокруг фургона и вставал от волнения на дыбы. - Вы что, не видите, что там написано на боку этого фургона?

Животные пришли в замешательство и смолкли. Мюриель принялась было читать по слогам, но Бенджамин отпихнул ее и среди мертвой тишины выкрикнул: "Альфред Симонс. Виллингдон. Убой лошадей и варка клея. Торговля шкурами и костяной мукой. Поставка мяса на псарни".

- Вы понимаете, что это значит? Боксера везут на живодерню!

Раздались крики ужаса. Но в этот миг человек на козлах хлестнул своих лошадей, и фургон выкатил со двора. Все выбежали вслед за фургоном, крича что было сил. Кашка бежала впереди всех. Фургон набирал скорость. Силясь пуститься вскачь на негнущихся ногах, Кашка с трудом перешла на неровный галоп. "Боксер, - ржала она, - Боксер! Боксер! Боксер!"

В эту минуту Боксер как будто услышал шум снаружи, и морда его с белой полоской появилась в маленьком заднем окошечке фургона.

- Боксер! - ржала Кашка в отчаянии. - Боксер! Прыгай! Прыгай скорее! Они везут тебя на смерть!

- Прыгай, Боксер, прыгай! - подхватили остальные, но набравший скорость фургон уже уносился от них. Было даже неясно, дошел ли до Боксера смысл слов Кашки. Но тут вдруг его морда в окошке исчезла, а из фургона послышались звуки барабнящих в стены копыт. Видимо, он пытался пробиться на волю. В былые времена Боксеру хватило бы двух ударов копытами, чтобы разнести фургон в щепки. Но, увы, силы уже оставили его. Звуки ударов ослабли, а еще через несколько секунд стихли совсем. В отчаянии животные стали взывать к уносившим фургон лошадям. "Товарищи звери! Товарищи! Остановитесь! Не губите Боксера! Он ваш брат!". Но две глупые и невежественные скотины даже не понимали, о чем это им кричат, только поводили ушами и все ускоряли бег. Морда Боксера больше не показывалась в окошке. Кто-то все-таки догадался, что надо обогнать фургон и захлопнуть окованные железными скрепами ворота, но было уже поздно. Через минуту фургон миновал их и быстро исчез на дороге внизу.

Боксера никто больше не видел никогда. Через три дня было объявлено, что он скончался в Виллингдонской больнице, окруженный наивысшим вниманием и заботой, какие когда-либо выпадали на долю лошади. Новость принес Визгун, уверявший, что присутствовал при последних часах жизни Боксера.

- Я в жизни не видел более трогательного зрелища, - хрюкал Визгун, смахивая слезу. Я был с ним до самой его кончины. И уже перед смертью, уже теряя голос, он прошептал мне на ухо: "Единственное, о чем я сожалею, что мельница еще не достроена! Вперед, товарищи! - прошептал он мне. - Вперед к победе Зверизма! Да здравствует Зверская Ферма, да здравствует товарищ Наполеон! Наполеон всегда прав!" - таковы были его последние слова, товарищи!

Вдруг весь облик Визгуна переменился. Он на мгновение смолк, его маленькие глазки подозрительно пометались в одну сторону, в другую - и он продолжил:

- Нам стало известно, - сказал он, - что когда Боксера увезли, кто-то распустил неумный и вредный клеветнический слух, порочащий нашу ферму. На фургоном будто бы заметили надпись "Убой лошадей" и вообразили, что Боксера увозят на живодерню. Кто мог придумать эту глупость? Я уверен, что вы лучшего мнения о нашем любимом вожде, товарище Наполеоне, - вопил Визгун возмущенно, дергая животиком и прыгая из стороны в сторону. - А все это очень просто объяснить, товарищи! Раньше фургон принадлежал живодеру, который продал его ветеринару-хирургу, а тот еще не замазал старую надпись. Вот так возникла эта ошибка.

Животные выслушали его с большим облегчением. А когда Визгун пустился в описания дальнейших подробностей мужественного поведения Боксера на смертном одре, забот,

которыми он был окружен, дорогостоящих лекарств, невзирая на цены заказанных для него Наполеоном, последние сомнения отпали. Боксер, по крайней мере, умер счастливым; эта мысль смягчала им горечь утраты.

В следующее воскресное утро Наполеон сам появился на собрании и произнес краткую памятную речь о Боксере. Вернуть останки Боксера для погребения на ферме, как оказалось, не было возможности. Но он, Наполеон, велел сделать большой венок из лавра, растущего в саду, и послать его на могилу Боксера. "А еще через несколько дней, - сказал Наполеон, - свиньи устроят Боксеру торжественные поминки". Наполеон закончил свою речь напоминанием о двух знаменитых изречениях Боксера: "Я буду работать еще упорней" и "Товарищ Наполеон всегда прав". "Эти замечательные изречения не мешало бы накрепко усвоить всем на ферме", - сказал он.

В день, назначенный для поминок, из Виллингдона прикатил фургон бакалейщика и доставил на ферму большой деревянный ящик. Весь вечер из дома доносились звуки шумных песен, пение потом перешло во что-то, очень похожее на неистовую перебранку, а окончилось все после одиннадцати часов ужасным грохотом разбитых стекол. До полудня в доме не шелохнулась ни единая душа. На ферме догадались, что свиньи, наверное, опять раздобыли где-то денег на ящик виски.

Глава десятая

Прошло несколько лет. Уходили год за годом, а с ними проносилась и краткая жизнь животных. Настало время, когда никто на ферме не помнил прежних дней до Восстания - кроме кобылы Кашки, осла Бенджамина, ворона Моисея и нескольких свиней.

Скончалась коза Мюриель. Расстались с жизнью старые псы Блюбель, Джесси и Пинчер. Давно не было в живых фермера мистера Джонса, он умер в больнице для алкоголиков на другом конце страны. Снежок был забыт совершенно. И Боксера позабыли все, кроме тех, кто когда-то дружил с ним. Кашка сильно погрузнела и одряхла, ноги у нее не гнулись в суставах, а глаза слезились. Прошло уже два года с тех пор, как она достигла пенсионного возраста, но еще никто на ферме до сих пор не был отпущен на покой. Толки о выделении для престарелых ветеранов специального уголка на пастбище давно заглохли. Наполеон стал матерым кабаном весом в полтора центнера. Визгун так разжирел, что едва размал заплывшие салом веки. Только старый Бенджамин почти не изменился, разве что морда поседела да со времени смерти Боксера он стал еще более замкнут и угрюм.

Число обитателей фермы теперь порядком возросло, хотя и не в такой значительной степени, как когда-то предполагали. Для родившихся на ферме животных Восстание было лишь туманным преданием, известным с чужих слов. Те же, кого ферма купила в последние годы, и вовсе до своего появления здесь не слышали ни о чем подобном. На ферме трудились три новые лошади, помимо Кашки - красивые и сильные, хорошие работяги и добрые товарищи, но уж очень глупые. В изучении алфавита ни одна из них не могла продвинуться дальше буквы "Б". Главным образом, со слов Кашки, к которой они питали почти дочернее почтение, они затвердили все, что им рассказали о Восстании и принципах Зверизма, но вряд ли многое поняли из сказанного.

Ферма стала теперь успешным предприятием и улучшила свою организацию она даже расширилась за счет двух соседних полей, купленных у мистера Пилькингтона. Ветряная мельница была в конце концов благополучно достроена, на ферме была

теперь своя собственная молотилка и сеноэлеватор, прибавилось несколько новых хозяйственных построек. Вимпер приобрел себе высокий двухколесный экипаж.

Ветряная мельница, правда, электроэнергию не вырабатывала. На ней мололи кукурузу и получали с этого неплохой доход. Строилась другая мельница, и говорили, что когда ее достроят, на ней-то все-таки будет установлена динамо-машина. Но об изобилии, о котором когда-то учил животных мечтать Снежок - о стойлах с электрическим освещением, водопроводом с горячей и холодной водой, о трехдневной рабочей неделе, - больше не поминали. Наполеон отверг эти идеи как противоречащие духу Зверизма. "Истинное счастье, - говорил он, - состоит в усердном труде и скромной жизни".

Как-то так вышло, что ферма разбогатела, несколько не сделав счастливее самих животных, - за исключением, конечно, свиней и псов. Может быть, так получилось, отчасти оттого, что свиней и псов развелось слишком много. Не то чтоб эти создания сидели без дела. Как не уставал разьяснять Визгун, организация, учет и контроль не оставляли свиньям ни минуты покоя. Значительная доля этих забот была такого рода, что прочие животные, по своему невежеству, ничего в них не понимали, и поэтому сами не могли принять в них участие. К примеру, Визгун говорил, что свиньи ежедневно вынуждены затрачивать невероятные усилия на загадочные "планы" и "отчеты", "сводки", "протоколы" и "докладные". Они представляли собой большие листы бумаги, которые необходимо было исписать как можно гуще, после чего их обычно сжигали в печи. Визгун говорил, что эта работа имеет чрезвычайное значение для благосостояния фермы. Возможно, что так оно и было, но, во всяком случае, никакой пищи своим собственным трудом ни свиньи, ни псы не производили, а их было много, а отсутствием аппетита они никогда не страдали.

Что касается остальных, то жизнь их шла как всегда. Обыкновенно они терпели муки голода, спали на соломе, пили воду из луж, трудились в поле, зимой страдали от стужи, летом от мух. Иногда те, кто постарше, напрягали свою слабую память и пытались разобраться, как они жили в первые дни после Восстания, сразу после изгнания Джонса - лучше или хуже, чем теперь. Но из этих попыток ничего не выходило. Им не с чем было сравнивать свое теперешнее житье, не с чем было иметь дело, кроме сводок Визгуна, которые неизменно свидетельствовали: жизнь становится все лучше и лучше. Животные сошлись на том, что этот вопрос неразрешим, да и времени думать над такими вещами у них было немного. Только старый Бенджамин был уверен, что помнит каждый самый незначительный эпизод в своей долгой жизни и знает, что никогда не было - да и не могло быть - как-то особенно лучше или хуже. "Голод, лишения и разочарования, - говорил он, - это неизменный закон жизни".

И все-таки животные никогда не расставались с надеждой. Мало того, они гордились тем, что являются гражданами Зверской Фермы, сознавая это своей привилегией, и ни на миг не теряли этого сознания. Они были единственной фермой в стране - во всей Англии! - которая принадлежала животным и которой управляли сами животные. Даже самые младшие, даже новички, купленные фермой за тридцать земель, не переставали восхищаться этим. И когда они слышали праздничный салют, видели, как развевается зеленый флаг на флагштоке, сердца их переполнялись неизбывной гордостью, и они пускались в воспоминания о славных героических днях изгнания Джонса, о создании Семи Заповедей или о великой Битве, где были побиты двуногие захватчики. Они еще не оставили ни одну из своих старых грез. Они все еще верили, что настанет день, когда нога Человека не будет ступать по зеленым полям Англии, они верили в Республику Животных, предсказанную старым Майором.

Когда-нибудь все это будет, возможно, не скоро, возможно, не при жизни нынешнего поколения, но будет. Даже "Всех Животных Британии", иногда, то там, то здесь, тайком напевали. Во всяком случае, каждый на ферме знал мотив этого гимна, хотя никто и не осмелился бы запеть его громко. Пусть их жизнь была тяжела, пусть не все их чаяния исполнялись, но все-таки они сознавали себя не такими, как все. Если они голодают, то не потому, что содержат двуногих тиранов. Если труд их и тяжел, работают они в конце концов на себя. Никто из них не ходит на задних лапах. Ни одно животное не называет другое животное "хозяин". Все звери равны.

Как-то раз в начале лета Визгун велел овцам следовать за ним и отвел их на пустырь, поросший молодыми березами на дальнем конце фермы. Овцы провели там целый день, объедая листву под надзором Визгуна. Вечером сам он возвратился в усадьбу, но овцам велел переночевать на пустыре, благо погода была теплая. Кончилось все тем, что овцы пробыли там всю неделю, и ни одно животное не виделось с ними все это время. Визгун проводил с овцами большую часть дня, сказав, что разучивает с ними новую песню, которая требует уединения.

Как раз в день возвращения овец, прекрасным летним вечером, когда животные закончили работу и держали путь в усадьбу, со двора раздалось испуганное ржание лошади. Пораженные животные остановились - это был голос Кашки. Она ржала не переставая и все бегом устремились вперед. Тут они увидели, что ее так испугало.

Свинью, которая передвигалась на задних ножках!

Конечно, это был Визгун. Несколько неуклюже - видимо, сказывался избыточный вес, - но все-таки удерживал равновесие, он разгуливал по двору. Минутой позже из дверей жилого дома вышла длинная вереница свиней, все на задних ножках. Иные проделывали это притче остальных, а одна или две, наоборот, ступали нетвердо и им, похоже, совсем не помешали бы тросточки для опоры - но все успешно одолели весь путь вокруг двора. И, наконец, под устрашающий лай псов и пронзительное кукареканье петуха, с величественной прямой осанкой, бросая надменные взоры по сторонам, вышел Наполеон собственной персоной с собаками, скачущими вокруг него.

Он нес с собой бич.

Воцарилась мертвая тишина. Пораженные, напуганные, сгрудившись в кучу, смотрели животные на длинную вереницу свиней, которые неспешно вышагивали по периметру двора. Казалось, весь мир перевернулся вверх дном. Потом наступил момент, когда первое потрясение улеглось и когда они, вероятно, все-таки возроптали бы - несмотря на страх перед псами и вопреки выработанной годами привычке никогда ни в чем не перечить начальству... Но как раз в этот самый момент, как по сигналу, хор овец оглушительно заблеял:

ЧЕТЫРЕ НОГИ - ХОРОШО, ДВЕ НОГИ - ЛУЧШЕ! ЧЕТЫРЕ - ХОРОШО, ДВЕ - ЛУЧШЕ!

ЧЕТЫРЕ - ХОРОШО, ДВЕ - ЛУЧШЕ!

И продолжалось это минут пять без перерыва. А когда овцы смолкли, возможность как-то выразить свое недовольство была упущена, потому что свиньи уже промаршировали в дом.

Бенджамин почувствовал, что кто-то носом прижался к его плечу. Он оглянулся. Это была Кашка. Ее серые глаза потускнели еще больше. Не говоря ни слова, она осторожно потянула его за гриву и повела задворками к торцовой стене большого

гумна, где были начертаны СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ. Минуты две они стояли, вглядываясь в буквы, белеющие на фоне черной, просмоленной стены.

- Я теперь вижу плохо, - сказала, наконец, Кашка. - Правда, я и в молодости никогда не могла разобрать, что там написано. Но мне сдается, что стена выглядит как-то не так, как раньше. Бенджамин, Семь Заповедей не изменились?

Впервые Бенджамин отступил от своих правил. Он прочел вслух все, что было написано на стене. Теперь там была одна-единственная заповедь:

ВСЕ ЗВЕРИ РАВНЫ,

НО НЕКОТОРЫЕ РАВНЕЕ ДРУГИХ.

После этого никому уже не показалось странным, когда на следующий день свиньи, надзиравшие за полевыми работами, все принесли с собой бичи. Никого не удивило, что свиньи купили себе радио, собрались установить телефон, подписались на "Джона Буля", "Тит Битс", и "Дейли Миррор". Не показалось странным, когда увидели Наполеона на прогулке в саду с трубкой в зубах и даже когда свиньи выволокли весь гардероб мистера Джонса из платяного шкафа и напялили на себя. Сам Наполеон стал носить черное пальто, охотничьи штаны и кожаные краги, а его любимая хрюшка - шелковое муаровое платье, которое миссис Джонс, бывало, одевала по воскресеньям.

Неделю спустя, в послеполуденное время, к ферме подкатило несколько экипажей - депутация соседних фермеров, приехавших с ознакомительными целями по приглашению Наполеона. Они оглядели всю ферму и выразили величайшее восхищение увиденным, особенно мельницей. Животные пололи репу. Они работали прилежно, едва отрывая морды от земли и не зная, кого бояться больше свиней или двуногих посетителей.

Весь этот вечер из дома доносились громкий смех и взрывы пения. И звучание этих смешных голосов пробудило в обитателях фермы внезапное любопытство. Что случилось? Что это вдруг впервые заставило людей и животных встретиться на равных? Не сговариваясь, они единодушно решили пробраться в сад. У калитки вышла заминка, многие побаивались идти дальше, но Кашка показала пример. Они подкрались к дому и те, кому позволял рост, заглянули в окно гостиной. Там, за длинным столом, сидело человек шесть фермеров и полдюжины наиболее высокопоставленных свиней. Сам Наполеон занимал почетное место во главе стола. Свиньи восседали на стульях вполне непринужденно. Компания сидела за картами, но устроила перерыв, чтобы выслушать тост. По кругу передавали большой кувшин, бокалы наполнялись пивом. Никто не замечал заглядывающих в окно животных.

Мистер Пилькингтон из Фоксвуда поднял свой бокал.

- Через минуту, - сказал он, - я призову всех присутствующих осушить эти бокалы. Но я чувствую, что сперва обязан сказать несколько слов.

- Для меня, - сказал он, - было источником глубокого удовлетворения - и я уверен, что и для всех присутствующих тоже - почувствовать, что длительный период недоверия и взаимного непонимания теперь подошел к концу. Было время, когда (хотя не то чтобы я или кто из присутствующих разделял такие чувства), но было время, когда к уважаемым руководителям Зверской Фермы их соседи-люди относились - я бы не сказал "с враждебностью" - но, возможно, с определенной долей недоверия. Имели место прискорбные недоразумения, получали распространение

ошибочные суждения. Почему-то полагали, что само существование фермы, которой владеют и управляют свиньи, - ненормально. Что оно будет оказывать разлагающее влияние на окружающий мир. Слишком многие фермеры без должного исследования пришли к выводу, что на такой ферме возобладает дух своеволия и анархии. Они беспокоились на счет возможного отрицательного влияния на своих собственных животных и даже на сельскохозяйственных рабочих. Однако ныне все эти сомнения полностью рассеяны. Сегодня я и мои коллеги посетили Зверскую Ферму и собственными глазами подробнейшим образом осмотрели ее. И что же мы обнаружили? Не только самую современную технологию, но и дисциплину, и порядок, каковые могут послужить образцом для всех. Я уверен, что не ошибусь, сказав, что рабочий скот Зверской Фермы трудится больше, а кормов переводит меньше, чем какая бы то ни было домашняя скотина в стране. Более того, я и мои спутники обратили внимание сегодня на многое такое, что мы намерены незамедлительно внедрить и в своих собственных владениях.

- Я закончу свои замечания, - сказал он, - тем, что подчеркну еще раз те дружеские чувства, которые питают друг к другу и должны питать руководители Зверской Фермы и их соседи. Между свиньями и представителями рода человеческого нет и не может быть никаких противоречий. Они ведут одну и ту же борьбу и сталкиваются с одинаковыми трудностями. Разве проблема рабочей силы не стоит перед вами так же, как и перед нами?

Тут стало ясно, что мистер Пилькингтон намерен поделиться с компанией какой-то заранее заготовленной остротой, но в течение целой минуты не был в состоянии выговорить ее, борясь с охватившем его смехом. Поперхнувшись несколько раз так, что его многочисленные подбородки побагровели, он, наконец, выдавил из себя: "Если у вас есть ваш рабочий скот, то и у нас есть так называемый рабочий класс!"

Эта шутка вызвала за столом взрыв хохота, а мистер Пилькингтон еще раз поздравил свиней с низким уровнем кормовых затрат, продолжительностью рабочего дня и общим состоянием дисциплины на Зверской Ферме.

- А теперь, - сказал он, - я бы попросил всех встать и проверить, полны ли ваши бокалы. Джентльмены! - сказал он в заключение, - джентльмены, я предлагаю тост за процветание Зверской Фермы!

В ответ раздались одобрительные возгласы, звон бокалов и топанье ног. Наполеон так растрогался, что оставил свое место и обошел стол кругом, дабы чокнуться с мистером Пилькингтоном, и лишь затем опрокинул свой бокал. Когда аплодисменты стихли, Наполеон, который продолжал стоять, объявил, что и он желает сказать несколько слов.

Как и все выступления Наполеона, эта речь была краткой и касалась самой сути дела.

- Я тоже счастлив, - сказал он, - что период взаимного непонимания подошел к концу. В течение долгого времени бытовали суждения, распространяемые, - у нас есть основания так думать - одним коварным врагом, будто есть нечто подрывное и даже революционное в воззрениях многих моих коллег. О нас думали, будто мы стремимся к разжиганию мятежей домашнего скота на соседних фермах. В этом нет ни капли правды. Мое заветное желание теперь, как и прежде - это жить в мире и поддерживать нормальные деловые отношения со своими соседями. Кстати, эта ферма, которой я имею честь управлять, - добавил он, - предприятие кооперативное.

Имеющиеся у нас документы на владение являются общей собственностью всех свиней.

- Я не думаю, - продолжил Наполеон, - что старые подозрения еще тревожат наших соседей. Тем не менее, совсем недавно в заведенных на ферме порядках были осуществлены кое-какие перемены, которые еще больше укрепят к ней доверие. До сих пор животные фермы придерживались дурацкого обычая обращаться друг к другу со словом "товарищ". Отныне это будет запрещено. Был еще один очень странный обычай, происхождение которого неизвестно, - каждое воскресенье маршировать перед черепом старого хряка, прибитом в саду на столбе. Это тоже будет запрещено, а череп уже предан земле. Наши гости, должно быть, видели зеленое знамя, которое развеивается на флагштоке. Если так, то вы, наверное, обратили внимание, что белые копыта и рог, ранее на нем вышитые, теперь покрашены. Отныне и впредь у нас будет просто зеленое знамя.

- У меня есть только одна поправка, - сказал он также, - к замечательному и добрососедскому выступлению мистера Пилькингтона. Мистер Пилькингтон все время говорил "Зверская Ферма". Разумеется, он не мог знать - ибо я только теперь впервые об этом объявляю, - что название "Зверская Ферма" отменяется. Отныне и навеки ферму следует именовать "Барской Фермой", ибо я полагаю, что таково ее истинное и исконное название.

- Джентльмены! - закончил свое выступление Наполеон - Я предлагаю тот же самый тост - только чуть-чуть по-другому. Вот мой тост, джентльмены: За процветание Барской Фермы!

Снова раздались одобрителльные восклицания, и бокалы были осушены до дна. Но животным, которые наблюдали сцену снаружи, казалось, будто происходит что-то странное. Что случилось со свиньями рылами? Взгляд старых тусклых глаз Кашки переходил с одной морды на другую. Все как-то стало нечетким и зыбким. На той морде было пять подбородков, на другой - четыре, на этой - три. Когда аплодисменты стихли, компания снова взялась за карты и вернулась к прерванной игре, а животные молча побрели прочь.

Они, однако, не прошли и двадцати ярдов, как вдруг остановились. Из дома доносились дикие вопли. Животные бросились назад к окну. В доме разгорался страшный скандал: крики, удары по столу, пронзительные подозрительные взгляды, неистовые отрицания. Мистер Пилькингтон и Наполеон оба одновременно сыграли тузом пик - это и оказалось источником конфликта.

Двенадцать глоток вопили враз, и все - совершенно одинаково. Стало понятно, что случилось со свиньями рылами. Животные снаружи переводили взгляд от свиньи к человеку, от человека опять к свинье, но кто был кем, различить было уже невозможно.

ноябрь 1943 - февраль 1944